

Александр Михайловский
Юлия Маркова

СПАСЕНИЕ царя Федора

В закоулках Мироздания - 7

Александр Борисович Михайловский
Юлия Викторовна Маркова
Спасение царя Федора
Серия «В Закоулках
Мироздания», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29619249

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1077-9

Аннотация

Начало семнадцатого века. Смута охватывает умы. Самозванец, называющий себя царевичем Дмитрием, идет войной на московское царство. Царь Борис Годунов внезапно умирает, а его наследнику Федору всего шестнадцать лет. Бояре свергают юного царя, приглашая на царствие Самозванца. Но в эту историю вмешивается капитан Серегин. У него задание устранить начавшуюся Смуту, чтобы русское государство продолжало крепнуть и развиваться. Достаточно ли будет для этого просто спасти царя Федора и устранить Самозванца или потребуются более жесткие меры? На обложке – фрагмент картины К. Е. Маковского (1862) «Убийство Фёдора Годунова».

Содержание

Часть 25	4
Часть 26	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Часть 25

22 января 562 год Р. Х., день сто шестьдесят девятый, Полдень. Византийская империя, провинция Малая Скифия, пограничная крепость и база дунайского флота Эгиссос (ныне Тулча)

Низкое серое небо, лохмотьями облаков повисшее над Дунаем, плакало то ли мелким дождем, то ли тающей на лету снежной крупой. Порывистый холодный ветер лохматил такую же серую гладь исполинской реки, покрывая ее белыми курчавыми барашками. Здесь на правом берегу, в Эгиссосе, на имперской земле, царствовали порядок и закон, а там, на противоположном, лежали земли непознаваемых и ужасных варваров, то и дело ходивших в задунайские провинции за полоном и зипунами. Если Нарзес не сумеет выполнить порученного ему дела, то отдельные порывы варварского ветра, обдувающего границы империи, сольются в один ураган-нашествие, сокрушающий все живое. Варваров по ту сторону границы очень много, и только междоусобные конфликты мешают им по-настоящему взяться за империю.

Посольство Нарзеса к варварам-артанам прибыло в Эгиссос еще вчера, но вдруг оказалось, что все корабли пограничного флота на зиму вытащены на берег, команды пьянствуют в тавернах, и вообще, никто не собирается переправлять императорского посланца на тот берег. Комендантство-

вал в Эгиссосе битый варварами и жизнью друнгарий-лимитат¹ родом из Каппадокии по имени Леандр, который разговаривал по-латыни так, будто рот его был полон горячей каши. Отчасти в этом был виновен его ужасный врожденный акцент, отчасти то, что на протяжении своей многотрудной жизни старый вояка успел потерять почти все зубы. По крайней мере, дело сдвинулось с мертвой точки только тогда, когда глава посольства приложил тому Леандру по лбу набалдашником своего посоха и пообещал загнать в такую дыру, из которой даже Эгиссос будет казаться столицей.

Едва были произнесены эти волшебные слова, все забежали и засуетились. Одни бросились смолить и конопатить те два корабля, которые находились в наилучшем по сравнению с другими состоянии, а другие собирать расплзшихся по тавернам, лупанарам и разным вдовушкам матросов и гребцов, для того чтобы те, пусть и в неурочный день, справили бы – нет не большую и малую нужду – а всего лишь государственную службу. Ночевал Нарзес, как любой путешественник, в гостинице-ксеносе для проезжающих, подзрительно чистой и уютной для этого захолустного городка на краю ромейской цивилизации. У него сложилось твердое

¹ Армия Византии при Юстиниане делилась на несколько частей. Гвардия – расквартированные в столице схолярии и ескувиторы. Стратиоты – регулярная полевая армия. Лимитаты – пограничные части, расквартированные в крепостях и полевых укреплениях вдоль византийских рубежей. Федераты – варвары, служащие в византийской армии по договору коллективного найма. Букелларии – частные дружины императора и частных лиц.

впечатление, что содержатель сего заведения Мелетий лукавит, говоря, что у него давно уже не было постояльцев. Что-то тут было нечисто.

Молотки плотников и конопатчиков стучали всю ночь, а утром проконопаченные и просмоленные корабли уже сволокли в реку. Делали все так, тят-ляп, лишь бы поскорее отвязался проклятый Константинопольский царедворец, которому срочно надо попасть на тот берег Дуная. Лишь бы не было течи прямо сейчас. В любом случае надо будет сделать на тот берег Дуная всего пару рейсов, а потом, едва караван этого Нарзеса скроется из виду, корабли снова будут вытащены на берег, теперь уже до весны. Как только корабли закачались на волне, на том берегу, отдаленном на полмили² и едва видимом из-за туманной дымки, показалась группка всадников на высоких статных конях, под хорошо заметным в серой зимней мути алым с золотом³ имперским знаменем. Это ли не доказательство того, что на том берегу тоже была Империя – немного иная, чем та, которой служил он сам, но тоже несущая закон и порядок диким варварам.

С того берега замахали руками и посланец императора

² Половина римской мили – 741 метр.

³ И штандарт римской империи, на котором было начертаны буквы SPQR (то есть «Сенат и Народ Рима»), и знамя византийской империи были ярко-красного цвета и Естественно, что, не рассмотрев рисунка на знамени, Нарзес воспринимает его как еще одно доказательство своей теории о том, что Серегин представляет в этом мире третью римскую империю, являющуюся преемницей и римской, и византийской.

приказал немедленно перевозить свою важную персону к этим людям, которые встречают его, и только его. Тяжко вздохнув, моряки-пограничники взошли на корабли и разобрали весла. Путь предстоял не столько дальний, сколько бурный – в смысле, по бурными волнам – и пусть Дунай не море, на котором может разгуляться серьезная волна, но в плохую погоду можно утонуть даже в луже. К тому же варвары на том берегу могли быть настроены недружелюбно, и тогда пограничников в конце пути ожидала добрая драка. А кто там мог быть еще, на том-то берегу, на котором окромя варваров – славян, германцев, алан, болгар и прочих скифов – никого отродясь не водилось, чего бы там ни думал себе заезжий из Константинополя требовательный старик.

Но по мере того, как с каждым взмахом весел корабли приближались к противоположному берегу, становилось ясно, что скорее всего прав именно он, а не моряки. Эти высокие статные всадники, одетые в желто-зеленые плотные суконные штаны и куртки, а также экипированные в травленные зеленую того же оттенка доспехи, на варваров походили так же мало, как только что вытщенная из воды и разевающая рот рыба походит на ритора из Академии. Регулярной армией, причем куда более регулярной, чем полуразложившиеся к тому времени византийские легионы, от этих всадников несло на пару сотен шагов.

А когда корабли приблизились к противоположному берегу почти вплотную, то стало ясно, что это не всадники, а

всадницы, и мужчина там один, и это как раз предводитель отряда он, вместе со стройной девушкой-адьютантом, спешившись, стоит на самом берегу и ждет приближающиеся ладьи. Впрочем, то что встречавшие императорского посланника воины оказались женщинами, мало что меняло, потому что эти женщины имели рост в шесть с половиной-семь футов, длинные мускулистые руки и ноги, широкие плечи, и были вооружены длинными тяжелыми копьями, а также заброшенными за спину длинными двуручными мечами, особенно страшными в тесной рукопашной схватке. Чуть поодаль, на границе открытого всем ветрам берега и зарослей шумящего на ветру камыша, стояли незамеченными два подразделения конных лучниц, дающих гарантию, что в случае схватки воительницы с мечами без прикрытия не останутся.

Едва корабли пограничной флотилии коснулись береговой линии и опустили носовые трапы, как Нарзес, будто молодой юноша, подобрав полы своей одежды, сбежал на прибрежный песок, навстречу ожидавшему его представителю архонта-колдуна Серегина. Почему именно представителя, а не, к примеру, самого Великого Князя Артанского? А потому, что тот человек, который сейчас приближался к посланцу византийского автократора, совершенно не подходил под тот словесный портрет, который в свое время составил патрикий Кирилл.

– Я принцепс⁴ Змей, старший помощник и заместитель

⁴ Звание «старшина» уж очень неоднозначно переводится на латынь, мы оста-

Великого Князя Артании Серегина в этом мире, – представился посланец Серегина, приложив ладонь к виску, – направлен сюда моим командиром для того, чтобы указать вам и вашим спутникам путь к нашей зимней штаб-квартире...

«Ага, – подумал про себя Нарзес, – значит, у архонта-колдуна есть особая зимняя столица, скорее всего, расположенная в каких-то более теплых краях, чем Артания... Теперь понятно, почему агенты Юстиниана, а точнее, его магистра оффиций Евтропия, не могли обнаружить Серегина в строящемся городе Китеже у Борисфеновых порогов. Его там просто не было, а был он в таком месте, о котором простым смертным знать не положено...»

– Я, – неожиданно для себя произнес вслух личный посланец ромейского императора, – препозит священной опочивальни и экзарх Италии, следуя в Артанию к архонту Серегину по поручению автократора Юстиниана для проведения важных переговоров о разделе сфер влияния между двумя нашими государствами и установления добрососедских отношений.

– Добро пожаловать в Артанию, уважаемый Нарзес, – усмехнулся представитель архонта-колдуна, – только прошу вас ничего не бояться и ничему не удивляться.

«А этот Змей, скорее всего, букелларий Серегина, варварский князь, вместе со своим отрядом поступивший на служ-

новились на слове принципс потому что оно наиболее точно отражает роль Змея как старшего помощника Серегина.

бу той Империи, но принесший клятву лично своему командиру, – снова подумал про себя Нарзес, отходя от встречающих в сторону, чтобы отдать надлежащие распоряжения своим слугам и клиентам. – Уж слишком независимо он выглядит и держится, и в то же время, зная о его личной преданности, Серегин может поручать этому человеку разные щекотливые дела, которые он не доверил бы своему официальному подчиненному.»

Едва ромейские пограничные корабли, совершив последний рейс и выгрузив навьюченных имуществом посольства ослов, отчалили и направились к противоположному берегу, как перед Нарзесом и его спутниками прямо в воздухе раскрылась дыра, за которой вместо хмурого зимнего неба, с которого сыпалось непонятное непотребство, одновременно похожее и на снег, и на дождь, распахнулась бездонная синева ясного синего неба, с которого светило жаркое солнце мира Содома.

– Добро пожаловать в нашу зимнюю штаб-квартиру, господин Нарзес, – с усмешкой прокомментировал это явление Змей, – еще раз повторю – ничего не бойтесь и ничему не удивляйтесь, то ли еще будет. И скажите вашим людям, чтобы они поторапливались, окно нельзя держать открытым слишком долго.

Двести сорок пятый день в мире Содома. Полдень. Заброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридесятое государство, Башня Мудрости

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов

Однажды я вдруг подумала, что прошел уже без малого год с тех пор, как мы покинули наш родной мир, а ведь мы еще ни разу не отмечали ни одного дня рождения. Конечно, при столь интенсивном ритме жизни немудрено забыть о таких вещах, тем более в каждом мире имеется свой календарь, или не имеется никакого, как в мире Содома. Но все же без празднований дней рождений никак не обойтись. Если я не ошиблась в подсчетах, то пройдет еще чуть больше двух месяцев – и мои вытянувшиеся, повзрослевшие и загоревшие гаврики станут старше на целый год!

Подумать только, мы уже двести девяносто семь дней путешествуем вместе с армией Серегина через различные миры, меняя их и силу своих возможностей, а они в отместку накладывают на нас свой отпечаток. Это не пустяки; и ту дату, когда нашему путешествию исполнится ровно год, обязательно надо будет отметить как наш общий день рождения... не только моих гавриков и мой, но и Ники, Серегина,

и всех его бойцов, которые одновременно с нами попали в мир Подвалов, очутившись на берегу горячей речки. Надо же, как быстро летит время, а ведь кажется, что это было только вчера...

Размышляя об этом, я машинально терла лоб и хмурилась. В разгар моих раздумий я вдруг услышала участливый тихий голосок прямо под ухом:

– Мамочка Анна, чего грустила? Иль грустная мысль тебя навестила?

Ну конечно же, это моя шалунья Бела, которая только что проснулась и, потихоньку выбравшись из своей корзины, незаметно подкралась ко мне. С некоторых пор она взяла привычку изъясняться в стихотворной форме, а также совершенно неожиданно появляться там, где ее совсем не ждали, из-за чего нередко возникали казусы и недоразумения. Кстати, мы с девочками уже успели нашить ей обширный гардероб, и она каждый день меняла наряды.

О, моя куколка знала толк в развлечениях... Свои эскапады она называла «ходить знакомиться», и буквально с самых первых дней с момента своего сотворения принялась навещать всех, кто так или иначе ее заинтересовал. Частенько, проснувшись утром, я обнаруживала ее кроватку-корзину пустой – и это значило, что вскоре где-то непременно вспыхнет переполох. Первое время о моей малышке почти никто еще не знал, поэтому она развлекалась от всей своей маленькой кукольной души. Можете представить себе чув-

ства, скажем, какого-нибудь солдата из танкового полка, когда, открыв на рассвете глаза, он наблюдает такую картину – миниатюрная девочка сидит напротив него на спинке кровати и, болтая ногами, заявляет, что с вечера он плохо начистил свои сапоги и подшил подворотничок и за это ему обязательно влетит от сержанта...

Естественно, первый вопрос, вырывающийся у обалдевшего солдатика, это: «Ты кто?!». Ну и ответ, разумеется, срывает наповал: «Я Белочка. А вас как зовут?». Несчастный теряет дар речи, лихорадочно соображая, с какой бы стати его навестила белочка (неважно, в каком образе, главное, что она сама представилась).

А маленькая проказница тем временем надувает губки и обиженно сообщает: «Нет, я с вами не играю... Ваше имя я не знаю! Как же будем мы общаться? Как к вам можно обращаться?».

Тут обескураженный парень, уже не раздумывая, галлюцинация это или нет, представляется: «Я Алексей... – и со вздохом добавляет, – приятно познакомиться с тобой, Белочка...»

А хитрая кукла, просияв улыбкой и послав парнишке воздушный поцелуй, со словами: «Вам желаю не скучать! Мы увидимся опять!» ловко соскакивает со спинки кровати и исчезает. А товарищи потом спрашивают солдатика, с кем это он общался ни свет ни заря, и, разумеется, не верят ему до тех пор, пока их самих не посетит Белочка.

Итак, кукла была расположена послушать мои соображения. Когда я их изложила, она заулыбалась и радостно задекламировала:

– День рожденья – это круто! День рожденья – это класс! Так давай-ка мы устроим суперпраздник для всех нас!

– Давай, конечно. Надо только обдумать, как все организовать когда придет время... Бела, кстати, а почему ты вдруг заговорила рифмами? – поинтересовалась я.

– А просто так, мне нравится стихи сочинять. Правда, у меня здорово получается? – спросила малышка, сияя самодовольной улыбкой.

– Ну, Бела, стихами это трудно назвать... – ответила я, – так, рифмованные фразы.

– Да? – обиделась кукла.

– Ты не обижайся, детка, – поспешила я ее успокоить, – у тебя, конечно, очень здорово получается рифмовать свои мысли, но так умеет любой рэпер. Поэзия – это нечто другое...

Вот послушай: «Расступились на площади зданья, листья клена целуют звезду, нынче ночью большое гулянье, и веселье, и праздник в саду...» – прочитала я по памяти первое, что пришло в голову.

– Я поняла, мамочка Анна! – воскликнула Белоснежка и задумалась на продолжительное время.

Я догадывалась, что созданная мной кукла является чем-то вроде моего второго «Я». Фактически это и была я сама –

душой моего творения стала та часть моей личности, которая во мне почти не проявлялась, заглушенная самоконтролем и теперь Бела забрала ее себе. Да, мне иногда тоже хотелось быть взбалмошной, смешной, капризной, устраивать проказы и розыгрыши, быть непосредственной, говорить что думаешь, не скрывать своих чувств – но статус взрослого человека не позволял всего этого. И с появлением Белочки жизнь моя явно стала веселее. При помощи куклы мне удалось избавиться от психологического напряжения. А его, этого напряжения, хватало.

В частности, мне доставляло беспокойство то, что маленькая аварка Асаль стала как-то странно вести себя. Она явно решила подражать лилиткам, от рождения щеголяющими топless и тоже почему-то начала перенимать их привычку заголять верхнюю часть тела. Внушения на нее почти не действовали. Подойдешь, объяснишь, что так нельзя – молча кивает и соглашается, а потом глядь – снова щеголяет в неподобающем виде в компании своих призванных.

Мне это показалось странным – авары воспитывали своих девочек в строгости, и скромность была привита им с рождения; едва ли можно было естественным путем так быстро изменить свой образ поведения в прямо противоположную сторону. Заглянуть в ее голову или не надо? Пожалуй, не буду. Попробую проанализировать ситуацию.

Асаль у нас – девочка, уникальная в своем роде. Она обладает даром, свойственным очень и очень немногим – это

способность производить Призыв. Пока она всего лишь четвертая с таким даром из тех, кого мы знаем. А что означает способность производить Призыв? А то, что приносимые клятвы обоюдны, и не только призываемый становится Верным Призывающему, но и наоборот, потому что Призыв – это не диктат, а симбиоз. То есть, они влияют друг на друга.

Только вот тут все зависит от того, насколько сильна та личность, что призывает. Если достаточно сильна, то ее влияние на призываемых сильнее, чем их на нее. Серегин после своего Призыва уже за пару недель превратил аморфную толпу из бойцовых лилиток, волчиц, курсантов, а также солдат и офицеров танкового полка в слаженный боевой коллектив, где все ведут себя по стандартным для него психологическим установкам. Амазонки утратили свое стремление бегать голышом, лилитки, образно говоря, забыли о том, что они лилитки, и повели себя как почти обычные девушки и женщины, волчицы утратили свою патологическую угрюмость и с интересом начали поглядывать на парней. При этом он их не принуждает – чего нет, того нет – он просто предлагает своим Верным: «Делай как я, делай вместе со мной, делай лучше меня».

Стоп. А что, если призванные Асаль юные лилитки в силу своей большой численности непроизвольно оказывают воздействие на девочку с еще не развитой и не окрепшей психикой, передавая ей свои привычки и образ мыслей? Наверняка так оно и есть. И это не очень хорошо, точнее, очень нехо-

рошо. Однако не стоит паниковать, пожалуй, нужно просто проконсультироваться с Сергиным по этому вопросу. Ведь она же его Верная, и он силой своей воли способен направить ее на путь истинный, укрепить и поддержать. И вообще, ничего не бывает просто так; и, возможно, произошедшее с Асаль тоже может сыграть в нашей жизни важную роль...

* * *

Двести сорок шестой день в мире Содома. Полдень. Заброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридесятое государство, Башня Силы

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Вот уже два дня у нас в заброшенном городе сидит посланец Юстиниана армянский евнух Нарзес. Вслух он говорит, что прибыл для заключения договора о разграничении сфер влияния, а про себя думает всякую хрень, как будто вволю не надумался в пути. Но я с ним пока встречаться не хочу и не только потому, что мне сейчас не до него (при желании некоторое время разговорам с этим умнейшим человеком уделить можно), а потому, что сейчас он находится во власти наших медиков и проходит процедуры экстренного оздоровления. А то как в человеках внеплановые дырки делать – так мы всегда горазды, а чтобы кого-нибудь подлечить и оздоровить – с этим слабовато.

Это здоровье ему дается, так сказать, авансом. Если он умный, то все поймет правильно, в том числе и в национальном плане, ибо планируемый нами разворот политики Византии на юг, в сторону Персии и Аравии, больше всего на руку как раз армянам, на которых сейчас давит Персия, а в скором времени начнет давить новорожденный исламский мир. Лично я против армян ничего не имею – вполне нормальные ребята, если только в этот момент они не воображают себя пупом земли, которому можно все. Но все эти разговоры у нас случатся потом. Вот когда уважаемый посланник императора подлечится, мы с ним и поговорим о Византийской империи, об Армении, Персии и Аравии, их совместном будущем и том, что он, Нарзес может сделать для благоденствия своей родины.

Плохо и то, что еще больше ста лет назад (по исчислению мира Славян) Халкидонский собор отсек от магистрального потока развития христианства древние православные церкви Востока – армянскую, сирийскую и коптскую – и тем самым ослабил единство империи и нарушил существующие в ней духовные связи. Сидящие в Константинополе католические императоры без особой охоты выделяли помощь восточным провинциям, населенным еретиками-миафизитами, и грубо вмешивались во внутренние дела своих христианских вассалов в Аравии, тем самым их ослабляя – только на основании того, что те придерживались древнего дохалкидонского исповедания.

Прикоснувшись несколько раз к мыслям Небесного Отца, я могу ответственно сказать, что ему все эти ереси, расколы, споры о природе Христа и прочий словесный шум глубочайшим образом безразличны, за исключением, разумеется, тех моментов, когда из-за плеча ересиарха выглядывает наш старый знакомый Князь Тьмы, как это было в случае манихейства и других производных от него конфессий. Вот в этом случае у меня есть карт-бланш рубить сплеча, зачищая все до белых костей. Те, что задались целью разрушить этот мир и привести его обратно к первозданному хаосу, ни в одном из сущих миров жить не должны.

Итак, пока слегка прибалдевший Нарзес (а куда он денется) принимает ванны с магической водой и проходит у Лилии сеанс пальцетерапии (что должно сбросить с него как минимум лет двадцать и подготовить к предстоящим переговорам на высшем уровне), мне предстоит решить, что делать со вновь открывшимися каналами в миры, лежащие еще выше мира Славян и мира Батыевой гибели. Таких каналов на самом деле оказалось не три, а четыре.

Первый из них вел в мир сразу после Куликовской битвы, где в 1385 году московский князь Дмитрий Донской и все Московское княжество, стремительно превращающееся в Россию, зализывали раны после тяжелейшего сражения с ордами Мамаю и готовились к новым боям. В принципе, со всеми своими проблемами они должны были справиться сами, и нам там было делать нечего. Ну не был этот мир клю-

чом, открывающим двери к верхним уровням Мироздания. Второй канал соединял мир Славян с миром, где в 1498 году Русью правил Великий князь Московский Иван III, дедушка и полный тезка более знаменитого Ивана IV, (Иван III тоже по отцу был Васильевичем и точно так же, как и его внук, прозывался Грозным). Объединение Руси в том мире проходило по плану, ключом он не являлся, и посетить тот мир можно было только из туристического интереса. Конечно, можно было отобрать у Литвы русский город Смоленск или разорить и положить пусту переполненную награбленными сокровищами Казань, но это почти никак не повлияло бы на межмировую ауру, но зато отвлекло бы нас от выполнения первоочередных задач.

А вот третий доступный (пока только для наблюдения) канал вел в самое начало лета 1605 года – самое начало смутного времени, где только-только умер или был отравлен первый царь новой династии Борис Годунов, до своего воцарения фактически правивший Русью во времена царствования бездетного царя-богомольца Федора Ивановича, последнего сына Ивана IV Грозного. И неплохо правил. Набеги крымчаков и ногаев отражались, территория государства расширялась, победы в войнах с европейскими противниками одерживались. Даже первый поход Лжедмитрия I на Москву полностью провалился, и тот с небольшим отрядом едва ушел от преследующих его царских воевод.

И тут в апреле 1605 года случается внезапная и скоро-

постижная смерть царя (больше похожая на заказное политическое убийство) и повальная измена, сразу поразившая Московское государство от самой верхушки боярства до посадских ремесленников. Так началось то самое Смутное время, остановить которое прямо в самом начале, не допустив непоправимого ущерба, является для нас в этом мире задачей номер один. Поэтому, пока мы не выполним эту задачу, то допуск на более высокие уровни для нас не откроется, точно так же, как это было в предыдущих наших ключевых мирах: Подвалов, Содома, Славян и Батыевой гибели. Кроме того, мир смутного времени является ключевым, и именно из него откроются каналы в следующие миры, в которых мы тоже должны будем, проявив героизм, выправлять зигзаги истории, способствуя построению царства божьего на земле.

Бориса Годунова многие не любили, но большинство народа все же признавало за ним политический и административный талант, позволявший решать все возникающие перед государством вопросы внешней и внутренней политики, а вот сын его царь Федор II Борисович, шестнадцати лет от роду, был никто и ничто. Самые первые дни совсем еще не страшной Смуты юный царь со своей матерью и сестрой сидят, запершись в Кремле, а по улицам возбужденными макаками скачут посланцы Лжедмитрия I, размахивающие прелестными воровскими письмами, в которых тот требует смерти царя, царевны и вдовствующей царицы, обещая за

это москвичам свое благоволение. И ведь толпа народа, во главе со знатнейшими боярами Московского царства – Василием Голицыным и князем Мосальским – пришли и совершили это злодейское убийство.

Ведь дело совсем не в том, что «царь Дмитрий Иванович» в миру был беглым монахом Гришкой Отрепьевым. Екатерина, прозванная Великой, всего лишь полежала рядом с российским престолом, а и Россия, и мир признали ее законной императрицей. Дело в том, что Отрепьев-Лжедмитрий не был самостоятельной фигурой, а всего лишь служил ширмой для агрессии Речи Посполитой. Когда русский народ разглядел такое положение дел, то он смел и его, и спешно выдвинутого поляками Лжедмитрия II, но за восемь лет Смуты многое из достигнутого в царствие Ивана Грозного и Бориса Годунова пошло прахом. Слишком многое. Поэтому для того, чтобы в кратчайшие сроки пресечь смутные настроения, первым делом надо позвать на помощь поляков...

То есть – звать на помощь поляков, чтобы в корне рассориться со всем русским народом – должен Отрепьев-Лжедмитрий, а наша партитура в этом Марлезонском балете предусматривает только возможность быстрой реставрации династии Годуновых, для чего необходимо сохранить жизнь юному царю Федору Борисовичу, его матери и сестре. Сначала, для поддержания драматизма истории и повышения сговорчивости персонажей, я хотел сделать это уже тогда, когда убийцы явятся по души своих жертв и начнут их душировать. И

тут мы с остроухими девочками появимся все в белом и с блестками... По имеющимся у нас данным, это должно случиться десятого июня (по принятому в России Юлианскому календарю) а в мире Смуты пока только идет второе, то есть впереди у нас целая неделя на то, чтобы канал в этот мир стал полностью проницаем.

Потом я подумал, что, быть может, ну его – весь этот шум, гам и всякий тарарам; и изымать свергнутого молодого царя и его семью следует тихо, без лишнего шума, чтоб исчезли – и все. Как раз работа в нашем стиле. Ведь так будет даже интереснее. Среди изменников начнутся подозрения в измене, склоки между своими, быть может, даже дело выльется в раскол и резню, нечто вроде Варфоломеевской ночи. Но даже если этого не случится, действовать сторонники Лжедмитрия будут уже с оглядкой друг на друга, с опасением внезапного удара ножом в спину от бывшего приятеля и подельника. Мелкие провокации, подметные письма и прочие подрывные действия тоже никто не отменял. Пусть злодеи сами на себя возводят поклепы, арестовывают, судят, казнят и истребляют разными способами; а мы при этом будем стоять в сторонке и хихикать.

Не думайте, что я такой большой поклонник царя Бориса и его семейства, но поскольку мы не сможем предъявить народу настоящего царевича Дмитрия, то живой и здоровый царь Федор будет наилучшим вариантом из всех возможных. Узнав о том, что Федор Годунов спасся, Гришка Отрепьев

и его польские кураторы начнут скакать как блохи на раскаленной сковородке, а бояре-изменники примутся озираться по сторонам, ожидая того момента, когда им прилетит давно заслуженная плюха. И поделом. Пусть поляки суетятся и второпях делают глупости, а бояре-изменники грызут себя смертным поедом. Мы в это время не спеша будем готовить реставрацию династии Годуновых, с последующей ликвидацией всех курв и иуд. И вообще, этот мир неплохо подходит для создания очередной промежуточной базы – такой же, как заброшенный город с Фонтаном в мире Содома и Великое княжество Артанское в мире Славян. Если путем подселения еще одного духа воды мы сделаем магическим знаменитый Бахчисарайский Фонтан (а точнее, питающую его артезианскую скважину), то обеспечим свою базу в этом мире еще и магическим источником.

И, наконец, самым последним приоткрылся тот самый дополнительный четвертый канал – скорее не канал, а след канала – длинный, узкий и извилистый, но который можно реанимировать, вкачав в него надлежащее количество энергии. Он уходил далеко вверх, на десять-двенадцать тысяч лет выше того уровня, на котором лежит наш родной мир. При этом он немного отклонялся в сторону от магистральной оси развития человечества, или, как ее еще называют, «главной последовательности», от которой мы пока еще далеко не отступали. И мир Славян, и мир Батяя относятся к осевым мирам, и их отличия от нашего прошлого должен искать специ-

алист-историк, вооруженный мощным микроскопом. А тут нам предлагается заглянуть в будущее, да еще и «не наше» будущее, и увидеть, какое оно – украсно-украшенное коммунистическое (по Ефремову и Стругацким) или же буржуазно-либеральное (по Хайнлайну, Полу Андерсену и прочим американским писателям).

Но весь мой оптимизм по поводу возможности посмотреть на фантастическое будущее неожиданно остудил отец Александр, точнее, говорящий его голосом Небесный Отче. Такие моменты я чувствую очень хорошо.

– Зря радуешься, Сергей Сергеевич, – мрачно произнес он, – если каналы, связывающие этот мир с другими, такие узкие и уже почти заплывшие, то, скорее всего, это даже не мир-инферно, вроде мира Содома, а тот мир, в котором разумная жизнь зародилась, развилась до невиданных технических высот и убила себя, не достигнув социальной и моральной зрелости. Куколка умерла, отравившись собственными экскрементами, так и не сумев стать бабочкой... И вообще, это может быть не один, а целая группа мертвых миров, достаточно давно по их времени погибших по сходной причине – например, из-за ядерной войны, загрязнения окружающей среды или неумных экспериментов с человеческой генетикой.

– Отче, – спросил я, даже несколько растерявшись, что для меня необычно, – а почему вы считаете, что там целая группа мертвых миров, и мертвы они уже давно?

Отец Александр тяжело вздохнул (отчего в безоблачных небесах мира Содома громыхнуло) и сделал такое лицо, будто он учитель, вынужденный разъяснять двоечнику элементарную задачу, вроде теоремы Пифагора.

– А потому, – ответил он мне погромыхивающе-назидательным голосом, – что все соседние миры обычно связаны между собой множеством каналов. Если в нижней части Мироздания существование каналов поддерживается за счет общего магического фона, то чем выше, тем меньше магии, а следовательно, большее значение в поддержании каналов приобретает ноосфера мира – ее общие, так сказать, мощностные и качественные характеристики. Чем больше в мире живет людей, чем они счастливее, чем большую долю в их деятельности занимает умственный труд, искусство или даже спорт, тем мощнее и здоровее ноосфера и поддерживаемые ею каналы. Так вот, когда ноосфера, то есть разумная жизнь, в каком-то из миров умирает, то одновременно истончаются и высыхают и те каналы, которые связывали этот мир с другими, ближними и дальними соседями. В том случае, если погибает вся группа миров, связанных общим происхождением, а в каком-то одном мире жизнь еще теплится, то он ищет связи с каким-нибудь нижележащим миром, обычно находящимся еще ниже, чем гибельная развилка, а это как раз похоже на наш случай. Последний из миров мертвой группы, погибший по его времени относительно недавно, продолжает поддерживать призрачную связь с миром Славян. Минет еще совсем немного вре-

мени, развилка в мире Славян будет пройдена – и связь с тем миром разорвется навсегда...

– Отче, – спросил я, – ну хоть заглянуть-то туда можно? А вдруг там найдется что-то нужное и очень важное, как раз для выполнения наших заданий.

– Заглянуть можно, но очень осторожно. Поиск артефактов в мертвых мирах – сиречь сталкерство – это не самое приятное занятие. Впрочем, вы, русские, как всегда верны себе; чуть что – подавай вам скатерть-самобранку, деревья, на которых растут готовые банки тушенки и сгущенки или, на худой конец, полевой синтезатор «Мидас» в ударопрочном полевом армейском исполнении... Не то что толерантные европейцы, чья фантазия не идет дальше денежных деревьев с золотыми монетами вместо плодов и долларами вместо листьев.

– Да уж, – сказал я, – от золотых монет, если что, может быть хоть какая-то польза. В большинстве более-менее цивилизованных миров их у вас примут если не по номиналу, так хотя бы по весу золота, и выдадут в ответ еду, одежду, женщину и крышу над головой. А вот от долларов в диком месте совершенно никакой пользы. Для того, чтобы подтереться бумажки с мертвыми президентами слишком маленькие, а для того, чтобы обклеить сортир, их должно быть слишком много. Так что, предпочитая все необходимое в натуральной форме, мы все делаем правильно, рассчитывая на то, что сразу попадем в дикую местность, где сможем рассчитывать

только на себя.

– Да ладно, – махнул рукой священник, – сходите в тот мир, пошарьте по высокотехнологическим помойкам и попробуйте обрести свои лампу Аладдина, скатерть-самобранку, сапоги-скороходы и меч-покладинец. Но помните, что это занятие может быть весьма опасным, и даже в мертвом мире пойдя по шерсть, можно оказаться стриженным..

Да уж, хороший совет дал Небесный отец, и ведь ни одного слова не было сказано, отчего пятнадцать тысяч лет спустя могла погибнуть целая группа миров, отделившаяся от Главной Последовательности как раз во времена Юстиниана или сразу же после него. Что касается гибельной развилки – то это мог быть захват Константинополя аварско-персидской армией в 626 году и полный разгром византийской империи, после чего восточное православие утрачивает позиции, маргинализируется, подобно предшествующим древним церквям, оставляя западную ветвь христианства монополюльно править миром, в том числе и Русью. Других развилочек негативного плана мы с Ольгой Васильевной (которая по моей просьбе перечитала все, что имеется у нее в библиотеке по этому периоду, на ближайшем отрезке времени не видим.

Кстати, в тех же книгах написано, что штурм Константинополя аваро-персидской армией сорвался из-за того, что по загадочным причинам оказались уничтожены штурмовые лодки вассальных аварскому кагану славянских отрядов. Это вызвало репрессии кагана по отношению к славянам, после

чего те покинули его войско и ушли по домам, а без них авары и персы взять Константинополь уже не смогли. Византийцы, как всегда в таких случаях, приписали это событие божественному вмешательству, но честно говоря, так ли они были неправы, и, быть может, то, что делаю я и мои товарищи, это не первая правка истории, с поворотом ее в другое русло...

Но на самом деле точка развилки и метод ее запечатывания представляет для нас чисто умозрительный интерес. В прикладном плане значительно важнее знать те причины, по которым погибла целая группа миров. Если это было что-то вроде тотальной ядерной войны или глобальной экологической катастрофы, то это одно, а если человечество просто состарилось и вымерло – совсем другое. Хотя я могу запросто представить, как вымирает так называемый «цивилизованный мир», но в мою голову не лезет, как естественным путем могли вымереть полные жизненной энергии народы Азии, Африки и Латинской Америки. Прежде чем подобные однополярные миры могла постичь демографическая катастрофа, какие-нибудь мальтузианцы, которых в однополярном мире никто не сдерживал, из благих намерений (а на Западе все делается именно из них) должны были тем или иным способом полностью загеноцидировать так называемое «нецивилизованное население». Но опять же, это только догадки, пока еще не имеющие практического применения.

Итак, в настоящий момент мы готовим сразу три опера-

ции. Во-первых – сталкерскую вылазку в верхний мертвый мир, для чего требуется реанимировать ведущий туда канал. Во-вторых – операцию по отжиму Крыма у татар и турок в 1605 году, для чего надо собрать войска в ударный кулак и дожидаться того момента, когда канал в мир Смуты станет проницаемым. В-третьих – спасательную операцию по извлечению из-под удара царской семью Годуновых; тут на всякий случай, если дело затянется до упора, необходимо подготовить специальный штурмовой отряд из бойцовых лилиток и первопризывных амазонок, а также дожидаться десятого июня (если, конечно, к тому времени мы уже будем иметь доступ во тот мир). Если Годуновых спасти не удастся, то все равно, ситуация не станет и безнадежной, хоть и осложнится. Гришку Отрепьева, Владислава Жигимонтовича, второго и третьего Лжедмитриев, а также бояр-изменников и прочих предателей, польстившихся на польские посулы, ждет ужасный конец, потому что до сантиментов ли тут, когда спасают великую державу.

* * *

**05 июня 1605 год Р. Х., день первый, Раннее утро.
Москва, Кремль, боярский дом Годуновых
Низвергнутый московскою толпою царь Федор II
Борисович**

Начало лета года мира 7113-го от сотворения было смут-

ным во всех смыслах этого слова. Брожения и шатания, вызванные внезапной кончиной царя Бориса Федоровича, усугубились жаркой и душной погодой, которая то и дело разражалась бурными грозами. От этой давящей на грудь и виски влажной жары смутно хотелось прохлады и перемен к лучшему. Люди от этого стали нервными, вздорными, и в то же время доверчивыми к лстивым посулам разных проходимцев, то и дело обещающих молочные реки в кисельных берегах. По крайней мере, юному свергнутому царю хотелось верить, что всему виной не отсутствие у него личного авторитета, которым можно было бы надавить на войско и на бояр, не деятельность его родни, по старым обычаям тянущих на себя все, что плохо лежит, и не прилипшая к его отцу, как дерьмо к сапогу, изрядно пованивающая история с сыном Ивана Грозного от седьмого брака – так называемым, «царевичем⁵ Дмитрием».

Короче, едва помер папенька, как все начало расплзаться как прелые онучи. Верные до того законному государю бояре и воеводы принялись перебегать на сторону вора и самозванца, народ принялся роптать, желая улучшения своей доли, на окраинах снова, как во времена вора Хлопка, заше-

⁵ **Историческая справка:** По правилам православной церкви действительны могут быть только четыре венчания, и сын от седьмого брака не более законен, чем любой отпрыск, прижитый от сожительницы. Отец может признать такого сына и выделить ему содержание, но законных прав на престол у него не больше, чем у любого другого подданного московского царства. В очередь к Земскому собору – и только он может решить царевич этот Дмитрий или нет.

велились казаки и беглые холопы, а за ними встали в боевую стойку войска Речи Посполитой, Швеции и Крымского ханства, готовые терзать ослабевшую и погрязшую в междоусобицах Московию.

Первого июня (по юлианскому календарю) толпой москвичей во главе с боярами-изменниками Никитой Плещеевым и Гаврилой Пушкиным была арестована не только семья бывшего царя, но и многие родственники – как со стороны Годуновых, так со стороны Скуратовых-Бельских⁶. Другие же родственники – такие, как Богдан Бельский, двоюродный брат Марии Годуновой – напротив, перешли на сторону вора и самозванца, и принялись служить ему с такой горячностью как будто это был их законный государь.

Время подходило к заутрене, и ворочающийся на мягкой постели в утренней полудреме юный свергнутый царь соизволил наконец-то открыть глаза – и тут же замер от ужаса. Опочивальня была едва освещена тусклым огнем лампадки, но стоящий прямо возле его ложа мужичина, странно одетый, при вложенном в ножны мече и гладко выбритый, будто лях, был виден во всех подробностях, словно сам светился изнутри. Собственно, с того момента, как начались неурядицы и власть начала утекать из рук Годуновых как вода между пальцев, юный Федор был уверен, что всех их

⁶ **Историческая справка:** Супруга Бориса Годунова Мария Григорьевна (в девичестве Скуратова-Бельская) приходилась дочерью всеильному в свое время Малюте Скуратову.

рано или поздно обязательно убьют, потому что ни один самозванец не оставит в живых представителя предыдущей династии, разве что его сестра Ксения еще может представлять собой определенную ценность в смысле закрепления а Лжедмитрием прав на престол через брак с дочерью предыдущего царя. Но и это тоже сомнительно, потому что при Самозванце уже состояла юная полячка, положившая глаз... нет не на бывшего холопа и монаха-расстригу, а на престол Московского царства, на который она сама собиралась усесться тощим задом, а затем усадить туда своих детей.

От страха Федору хотелось закричать и позвать на помощь, но голоса не было. Все, что сумел тихо произнести шестнадцатилетний отрок, были слова из сказки, которую в детстве рассказывала ему нянька:

– Дяденька, дяденька, не убивай меня, я тебе еще пригожусь...

– Конечно согласишься, – так же тихо ответил незнакомец на странном, но несомненно русском языке, присаживаясь на его ложе, – но убивать я тебя не буду не поэтому...

– А почему, дяденька? – почти машинально спросил Федор. – Ведь если ты меня убьешь, от вора-самозванца тебе будет всяческий почет и уважение, еще и деньги небось отсыплет...

– Деньга, – ответил незнакомец, – ничто, да люди все. Но ты, царевич, вставай и собирайся. Уходить пора, а то так и до настоящих убийц добалакаемся.

– Я не царевич, я царь, – возмутился Федор, рывком сядя на постели, и тут же опустил голову, – правда, пока что бывший царь.

– Вот именно, что бывший, так что теперь снова царевич, – подтвердил незнакомец, – дело в том, Федя, что мастерству Правителя нужно учиться самым настоящим образом, потому что шапка Мономаха, в отличие от прочих головных уборов, снимается только вместе с головой. Понятно?

– Понятно, – ответил юноша и тут же растерянно произнес, остановившись посреди спальни: – Добрый человек, а как же я буду одеваться без мамок и нянек? Я же не умею.

– Ох ты, горе царское, самоходное, – вздохнул незнакомец, шелкнув пальцами, – как много у тебя вопросов, а одеться сам не можешь. Настоящий мужчина-воин должен суметь, проснувшись среди ночи одеться и вооружиться за сорок пять ударов сердца, чтобы встретить врага во всеоружии.

Едва незнакомец закончил говорить, как низенькая дверь в царевичеву опочивальню отворилась и в нее заглянула девица – весьма странная девица, потому что одета она была так же, как и давешний незнакомец – по-мужски, и при этом была такого большого роста, что, ей пришлось перегибаться чуть ли не пополам, чтобы заглянуть в дверь.

– Слушаю вас, обожаемый командир? – низким грудным голосом произнесла девица.

– Как там дела, Ниия? – спросил незнакомец.

– Все в порядке, обожаемый командир, – ответила девица, – правда, младшая женщина плачет так, будто у нее наступил свой личный сезон дождей, зато старшая собирается с такой скоростью, будто это новобранец, услышавший сигнал тревоги.

– Очень хорошо, Ниия, – кивнул незнакомец, – передай там, пусть пришлют мамок и нянек – одеть чадо царское и изготовить его в путь-дорогу. Время не ждет.

Потом он повернулся к застывшему в ожидании Федору и произнес:

– Первый урок, юноша. Не только верные слуги должны заботиться о своем патроне, (сиречь Правителе), но и он должен беспокоиться о них, входить в их положение и оберегать, а не только грести все под себя. В противном случае все может получиться, как у тебя после смерти твоего папеньки. Едва он помер – и крысы толпами побежали с корабля искать тебе господина пощедрее да поудачливее. А все твои дядья и маменька решили обогатить своих родных, раз уж нету за ними сурового царского пригляду. Отец твой умер, а ты сам когда еще вырастешь. Характер у тебя мягкий, и произойди все это в более спокойные времена, вертели бы они тобой как куклой, делая так, что ты царствуешь, а они правят. Насмотрелись, как твой отец делал это во времена твоего милейшего тезки Федора Ивановича, и решили повторить.

– Да, я понял, – растерянно сказал царевич и спросил, –

скажи же наконец, добрый человек, кто ты такой, какого роду-племени, кто твой господин и какой у тебя чин, раз говоришь со мной таким уверенным тоном о вещах государевых, ведаемых лишь немногими? Конечно, я вижу, что ты опоясанный воин, получивший меч, пояс и шпоры, быть может, даже боярин или князь, но больше мне о тебе ничего не ведомо, кроме твоих слов о том, что ты пришел спасти меня и моих родных от верной смерти.

– Имя мне, – ответил незнакомец, – Сергей Сергеевич Серегин, правитель Великого княжества Артании, господин тридевятого царства, тридесятого государства, победитель в очном поединке еллинского бога грабительской войны Ареса и сатанинского отродья херра Тойфеля, командующий примерно тридцатитысячной собственной армией, равной которой не найдется в этом мире, уже уничтожившей две злобные варварские орды. А господин мой, дающий мне силы и полномочия – это Творец Миров и Создатель всего Сущего, Бог-Отец и Святой Дух, который, разговаривая со мной, сам себя предпочитает называть Небесным Отцом. Готов поклониться тебе на мече и целовать в том крест, что все, что я тебе сейчас сказал – святая правда и абсолютная истина; а также в том, что моя цель – это спасение Руси и превращение ее в самое мощное государство. Готов поклониться я тебе и в том, что не ищу я у вас себе ни доли, ни удела, ни руки твоей сестры, и от моей помощи московское царство не уменьшится, а только прирастет землями.

– Ух ты... – только и смог сказать царевич Федор, когда Серегин плавно извлек меч из ножен и тот засиял жемчужно-белым светом. Затем гость три раза произнес: «Клянусь! Клянусь! Клянусь!» – после чего поцеловал нательный крест. В ответ князя Артанского прямо на глазах облекло бело-голубое сияние, и в небесах раздался рокочущий гром – тот самый, который «посреди ясного неба».

Едва все это завершилось, как набежали мамки и няньки и принялись одевать-обувать царевича Федора, чисто как малое дите. Правда, европейские короли и принцы в это время были ничуть не лучше – те не только одеться-раздеться самостоятельно не могли, но даже сходить в сортир; и прислуживали им не мамки-няньки, а настоящие дворяне, почитавшие эту службу ничуть не хуже армейской.

* * *

Двести пятьдесят седьмой день в мире Содома. Полдень. Зброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридесятое государство, Башня Силы

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Эвакуация семейства Годуновых из Москвы 1605 года от Рождества Христова прошла без сучка и задоринки. Стража, стоявшая у старого боярского терема, в котором Борис

Годунов жил до тех пор, пока не пролез в цари, так ничего не увидела и не услышала, потому что портал мы открывали прямо внутри дома, и помимо матери и сестры отставного царя, изъяли и всех слуг, прислужниц, приживалок и приживалов, оставив Лжедмитрию и перешедшим на его сторону боярам совершенно пустой дом.

Дальше в той Москве все пошло как по писаному. Самозванец в столицу ехать отказался – а то как же, ему требовались трупы свергнутого царя и его матери, а также живая царевна Ксения для глумления и поругания; а вместо того они исчезли из запертого терема, сбежали-с – и при этом не было обнаружено ни подкопа, ни какого лаза, а насмерть запытанная стража так и не смогла поведать ничего внятного. Поэтому Лжедмитрий I, не доехав до Москвы, расположился в том самом селе Красном, которое первым признало его «государем Дмитрием Ивановичем», а на Москве сейчас «царствует» боярин Васька Голицин, достойный тезка и предшественник (но не предок) другого Василия Васильевича Голицына, орудовавшего во времена смены караула от царевны Софьи к Петру Первому. Что же касается нынешнего Васьки Голицына, то вот как написали про него историки:

«В начале июня 1605 года князь Василий Голицын был прислан Лжедмитрием в Москву как наместник и руководил убийством Фёдора Годунова. В дальнейшем неизменно был на стороне победителей во всех конфликтах, участвовал в свержении и Лжедмитрия (один из организаторов заговора

в 1606), и Василия Шуйского (1610). В. В. Голицын участвовал в посольстве к Сигизмунду III (1610), был задержан в Польше как пленник вместе с митрополитом Филаретом. Умер в Вильно, находясь польском плену в 1619 году. Потомства не оставил.»

Пока главным подозреваемым у Самозванца был окольный Богдан Бельский, заправлявший всем в Москве до прибытия Василия Голицына. При царе Борисе Годунове Бельский находился в ссылке, после смерти царя был амнистирован вдовствующей царицей, с которой он находился в родстве, а как только запахло жареным, он одним из первых перешел на сторону Лжедмитрия. В общем, все основания для подозрений были налицо, тем более, что и стражу возле терема, где содержались Годуновы, выставлял тоже он.

Секир-башка ему была неизбежна и поделом. А то закажешь Ольге Васильевне сделать выборку по биографии такого поца – потом читаешь и дивишься, какую это ловкость и гибкость в членах надо иметь, чтобы от царя Федора Борисыча перекинуться к Лжедмитрию I, от него к Ваське Шуйскому, от Васьки Шуйского к Лжедмитрию II, от Лжедмитрия II к польскому королевичу Владиславу Сигизмундовичу, от него – к Михаилу Романову, и все это с прибытком, новыми вотчинами и денежными пожалованиями. А морда, простите, не треснет? Пусть этот Богдан Бельский будет первой ласточкой, говорящей о неукоснительном претворении на Руси принципов «кто чем грешил, тот тем и ответит» и

«по подвигу и награда». А то, понимаешь, привыкли тут к боярской неприкосновенности, и уже измену за измену не считают.

У нас же тут дела тоже идут своим чередом. «Царь» Федор оказался так же пригоден к своей роли правителя огромной мятущейся державы, как и последний представитель династии Романовых на российском троне. Нет, дураком, неучем и негодяем юноша не был – в этом отношении дела обстояли как раз обратным образом – но вот того закаленного стального стержня, какой необходим в любом правителе, чтобы не согнуться и не сломаться под напором внешних обстоятельств, в нем не было. Тут он был не чета великому князю Александру Ярославичу в мире, где мы отразили Батыево нашествие. Тот развивался как правитель и полководец буквально не по дням, а по часам; и горе будет крестоносцам, когда они по наущению папы сунутся на русские земли. «Новый» Александр Ярославич, которому уже не надо будет оглядываться на копошащихся за спиной монгол, их живьем сожрет и костей не оставит.

А это плохо – правители без внутреннего стержня долго не живут. Нет, бывают и счастливые исключения, вроде Людовика XIII во Франции, но там такой стержень имелся внутри кардинала Ришелье, что и помогло Людовику выстоять, а Франции даже усилиться. Здесь же, в окружении Федора Годунова, своего Ришелье нет и не предвидится, скорее наоборот. Тут либо жадные родственники с голодными глазами,

гребущие под себя все, что плохо лежит, либо политические проституты боярского происхождения, торгующие собой и Родиной по принципу «а кто больше заплатит».

А вот кто виновен в том, что с Федором Годуновым все получилось именно так, то знает только Бог. Но он молчит, хочет, чтобы я во всем разобрался сам. Скорее всего, как обычно бывает в таких случаях, во всем виновна семья. Папенька, изворотливый как глист, потому что в страшные времена окончания царствования Ивана Грозного сумел не просто выжить, но и взобраться на такую позицию в государственной системе управления, которая сперва сделала его всемогущим премьером при полностью отстранившимся от дел царе-богомольце Федоре Иоанновиче, а потом позволила и самому занять трон для себя и своих потомков.

Маменька Федора, дочь Малюты Скуратова, Мария Скуратова-Бельская не сколько властолюбива, сколько честолюбива, и желает, чтобы ее семья была самой-самой-самой, не только на Руси, но и вообще в мире. Но ума, чтобы исполнять роль опорного стержня для своего мягкого как глина сына, Бог ей не додал, а посему все ее требования касаются только внешней, показной, стороны царских обязанностей. И переубеждать ее в ошибочности этого пути бесполезно. Просто не поймет. И никого другого к сыну не подпустит, и даже появившись рядом с Федором такой кардинал Ришелье – мамочка будет гнать его всеми силами, ибо только ей принадлежит прерогатива промывать сыну мозги – и больше никому.

Тут надо бы посоветоваться с патриархом Иовом и митрополитом, а в будущем тоже патриархом, Гермогеном – умнейшими людьми своего времени и большими патриотами России, настоящими святыми, положившими за нее свою жизнь. Патриарх Иов, кроме всего прочего, был сторонником династии Годуновых и сподвижником в государственных делах царя Бориса Годунова.

И мы посоветовались с Иовом, еще как посоветовались. Дело в том, что патриарх, узнав о чудесном исчезновении свергнутого царя вместе с семьей, сейчас же организовал в Успенском соборе Кремля благодарственное богослужение, призывая православный люд молиться за здоровье и процветание царя Федора Борисовича, царицы Марии и царевны Ксении. Сказать, что это взбесило клеветов Лжедмитрия – значит не сказать ничего. Васька Голицын был еще где-то за горизонтом, Богдан Бельский уже сидел под стражей, поэтому хватать и не пущать патриарха примчались два верных сподвижника вора Лжедмитрия – приятели и братья-акробатя Никита Плещеев и Гаврила Пушкин.

Но получилось очень нехорошо. Едва только эти два криворуких недоделка ухватились за патриарха, чтобы сорвать с него патриаршьи ризы и выволочь из храма (у Лжедмитрия был уже готов свой кандидат в патриархи, некий грек Игнатий), как вдруг в воздухе рядом с алтарем распахнулась дыра, из которой пахнуло миррой и ладаном – и появились обряженные в белые ризы господние ангелы саженного ро-

ста (бойцовые лилитки в зимних масхалатах, которые они использовали в мире Батыевой погибели) которые, не обнажая своих двуручных мечей (храм ведь) так наподдали святотатцам, что те кувырком летели до самого выхода. Гавриле при том случае пинком отшибло зад и протащило кувырком до самого выхода, на Никите, схватившемся за саблю, переломало правую руку в трех местах, а также нанесло многочисленные ссадины и ушибы на наглую морду лица.

Сопровождавшие этих двоих различные блюдолизы и подхалимы не стали дожидаться ангельских тумачков и слиняли из Успенского собора впереди собственного визга. Заработать копеечку мелкими поручениями Самозванца – это они завсегда, а вот подставляться из-за этой копеечки под гнев Господень – на это они не согласные, пусть хватают и не пушают патриарха еще какие-нибудь придурки, которых не жалко, а они лучше поглазеют на это со стороны.

А вслед разбегающимся клеветам Лжедмитрия на вполне внятном и понятном русском языке летели обещания, что если кто еще попробует обидеть этого святого человека, простыми пинками не отделается. Такого святотатца будут ждать адские муки еще на этом свете, а затем смертная казнь через Большую Токатумбу, после чего муки начнутся сначала, и уже навечно. И чтобы даже на пушечный выстрел не смели приближаться к патриаршему подворью. А кто не послушает этого предупреждения – тот пусть пеняет только на себя, судьба его будет печальна на страх другим.

В результате такого внушения ни одна лжедмитриева собака даже близко не смела подойти к патриарху Иову и патриаршему подворью. Рассказы о том, как ангелы господни пинками выкидывали святотатцев из храма, мгновенно разошлись по Москве, а Гаврила Пушкин при случае спускал порты и демонстрировал всем встречным и поперечным святой синячище, возникший у него с благословения господня ангела прямо на мягких тканях седалища, после чего рассказывал как благословил его тот ангел сапожком под это самое место, и как летел он, благословленный, по воздуху до самого выхода, аки голубь, и как он теперь ест только стоя, как конь, и спит исключительно на животе, дабы не осквернить святое благословение прикосновением к обыденности. И все это с шуточками и прибаутками. А чего ему не шутить – вон, Никитке Плещееву ангелы, благословляя, и руку изломали, и морду исковеркали, да так, что мать родная его теперь не узнает.

Вот это я понимаю – сила пропаганды и внушения. Зато у нас появилась возможность спокойно открыть портал на патриаршее подворье, прямо в келью к патриарху Иову, и поговорить с сиим благословенным старцем, обсудив сложившееся положение. На это дело пошли только мы с отцом Александром и юным царевичем Федором Борисовичем, потому что заявляться к патриарху со всем нашим бабьим кагалом было просто неудобно, да и патриаршья келья, как я уже знал, была помещением маленьким, не чета царским пала-

там – там и три дополнительных человека – настоящая толпа. Царевича Федора мы с собой взяли исключительно для того, чтобы убедить патриарха в серьезности своих намерений и показать, что семья Годуновых у нас, и с этой семьей все обстоит благополучно.

Портал в полутемную патриаршую келью открылся совершенно бесшумно, и так же бесшумно мы с отцом Александром шагнули за порог, сделав юному царевичу знак соблюдать тишину, но патриарх Иов, читавший толстый фолиант в снопе света, падающем через узкое окошко, то ли услышав за спиной какой-то шорох, то ли почувствовав дуновение воздуха, обернулся.

Наверное, ваш покорный слуга в полной воинской экипировке, взятой со штурмоносца, отец Александр в священническом облачении и юный Федор в своей повседневной одежде, были немного не тем, чего патриарх ожидал от такого внезапного визита. Быть может, он думал, что его опять должны посетить ангелы господни, а быть может, ожидал, что к нему на огонек зайдут Иисус Христос и мать его Дева Мария. Впрочем, царевич Федор, который стоял чуть позади, потом сказал, что в тот момент, когда мы шагнули в келью, вокруг нас обоих появилось заметное призрачное бело-голубое сияние, так что у Иова с самого начала не должно было возникнуть сомнений по поводу того, кто зашел к нему; поэтому он встал с деревянного табурета и, опираясь на посох, приготовился слушать то, что ему будет сказано.

Первым тишину нарушил отец Александр; сияние вокруг него набрало яркость, что говорило о том, что Небесный Отец здесь, все видит и слышит, но находится в спокойном расположении духа, потому что яркость свечения ауры оставалась умеренной. То ли дело было, когда он уничтожал адскую тварь при нашем попадании в мир Подвалов. Тогда аура священника полыхала как промышленная электросварка, что глазам смотреть было больно, а голос грохотал так, что закладывало уши. И стоило это ему немало – почти сутки постельного режима.

– Приветствую тебя, сын мой Иов, достойный из достойных, – произнес гроыхающим голосом Небесного Отца отец Александр, подняв правую руку в благословляющем жесте, – и благословляю тебя на труды тяжкие во имя истинной православной веры, русского народа и единого российского государства, которое должно объединить все народы, противостоящие Сатане и борющиеся с его земными слугами.

Даже у меня, человека уже привычного к таким манифестациям, по коже пошел мандраж, а чего уж говорить о непривычном к такому патриархе, который, правда, перенес свое волнение стоически, ничуть не показывая охватившего его смятения. Широко перекрестившись в ответ и поклонившись в знак того, что принимает благословение, патриарх, понявший, что сейчас с ним разговаривал отнюдь не простой священник, смиренно произнес:

– Благодарю тебя, Господи, за лестную оценку скромных

трудов раба твоего Иова и радуюсь, видя, что отрок Федор Борисович, о судьбе которого я так беспокоился, находится под опекой и защитой твоих верных слуг, как и я, недостойный, которого твои ангелы защитили от хулителей и поругателей, разогнав тех крепкими затрещинами...

– Разве я сказал «раб», сын мой? – удивился Небесный Отец. – Вечно вы, люди, придумываете себе то, что вам никогда не говорилось, стоит мне только отвернуться в сторону. Разве же ты, при рождении нареченный Иоанном, в доме своих родителей был рабом своего отца и своей матери? Разве ж говорили они тебе: «Ты наш раб Ивашка» и держали тебя в черном теле?

– Конечно, нет, Господи, – склонил голову патриарх Иов, – прости мя неразумного, за нанесенную ненароком обиду.

– Да не обидел ты меня, сын мой, а огорчил, – ответил Небесный Отец, – ну да ладно. Как человеку доверенному и отмеченному в стремлении к благочинию, в личном разговоре разрешаю тебе обращаться ко мне «Отче Небесный». Понятно?

– Понятно, Отче Небесный, – согласился патриарх, – я вот тут, между прочим, все жду, когда ты наконец закончишь воспитывать меня, старого, и начнешь говорить о том деле, ради которого вы ко мне и пришли. Не зря же давеча твои ангелы Гришкиных прихвостней от меня затрещинами и пинками разгоняли – только треск стоял по храму божьему.

– О деле, сын мой, – ответил Небесный отец, – с тобой будет говорить мой, как ты выразился, слуга, Великий князь Артанский Сергей Сергеевич Серегин, воин и полководец, выполняющий в разных мирах мои особо важные задания. Рука его тяжела, действия решительны, а войско многочисленно, конно, людно и оружно. Именно его воительницы, на которых лежит мое благословение, не обнажая мечей, выкидывали вчера из Успенского собора клеветов Самозванца, да так, что любо-дорого было смотреть. Но об этом т-с-с-с. Можешь считать князя Серегина ипостасью архангела Михаила, впрочем, в чем-то они с Михаилом пересекаются, а в чем-то абсолютно самостоятельны. Священника, голосом которого я говорю, зовут отец Александр, и он весьма достойный человек и священнослужитель, образованный, глубоко мыслящий и истово верующий, иначе не смог бы он стать моим голосом. На сем наш разговор прекращается, твое святейшество патриарх Иов, будь тверд в своей православной вере, и продолжай делать дальше то, что ты уже делаешь сейчас. Dixi!

– Ваше Святейшество, – произнес я, обращаясь к патриарху, когда тот немного отошел от общения с Небесным Отцом, – дело, с которым мы к вам пришли, в первую очередь касается юного царевича...

– Царя, уважаемый Сергей Сергеевич, – поправил меня патриарх Иов, – пусть он и царствовал очень недолго и безвластно, но все же царствовал.

– Царя, Ваше Святейшество, – ответил я патриарху, – из Федора Борисовича еще предстоит сделать. И дело тут не только в том, чтобы посадить его на трон да нахлобучить на уши шапку Мономаха. Если бы все было так просто, мы бы к вам не обращались. У меня вполне достаточно вооруженной силы, чтобы в капусту изрубить и самого Самозванца, и всех его сторонников, и сызнова посадить царя Федора Борисовича на трон. Но долго ли он там усидит без нашей поддержки – это вопрос особый, а вечно мы его поддерживать не сможем, потому что Отец наш Небесный дает нам и другие задания, которые мы тоже должны выполнять.

– Вы считаете, – наклонил голову Иов, – что мальчик не способен самостоятельно править? Так это и неудивительно в его-то возрасте...

– Да, неудивительно, – ответил я, – но что хуже всего – Федор Борисович так воспитан, что состоятельно править не сможет и через год, и через два, и через пять, и через десять. Я имею в виду править самостоятельно, не опираясь на постороннее мнение и не спрашивая советов у авторитетов. При этом надо отметить, что мальчик обладает глубоким и острым умом, хорошо образован и прекрасно представляет себе картину мироустройства во всем ее многообразии, любит свою родину Русь и готов все сделать для ее блага. Но эти положительные качества отнюдь не делают Федора Борисовича идеальным правителем.

Одновременно со всеми этими достоинствами мальчик

обладает таким тяжелым недостатком, как отсутствие сильного волевого начала, которое необходимо любому государю, для того чтобы подавлять враждебную волю давящую на него со стороны внутренней оппозиции и иностранных государей. Вместо того Федор Борисович крайне подвержен влиянию матери и дядей, которые один раз довели его до края плахи, а также неспособен выдерживать исполнение даже самого простого плана, потому что у исполнителей тоже есть свое мнение, и мнение слабого государя будет колебаться вместе с ним. А так как исполнителей много и у каждого есть свое мнение, то в голове у молодого человека наступит хаос. Хуже того, поблизости от него нет и людей с сильной волей, способных управлять Русью на благо всего государства, а не на благо одного лишь своего семейства.

Иов на некоторое время задумался, потом поднял голову и посмотрел на меня пристальным взглядом.

– И что вы предлагаете, Сергей Сергеевич? – с интересом спросил он. – И почему Отец наш Небесный направил меня к вам, а не повелел, чтобы Федор Борисович обзавелся качествами, нужными каждому правителю?

– Люди, способные править Русью в интересах самой Руси, – сказал я, – в то время когда Федор Борисович будет царствовать, имеются у Русской Православной Церкви. Государство требует от вас принести в жертву всего одного митрополита – одного из тех, чьи кафедры за время их правления сделались процветающими, а сами они полны благочи-

ния и мыслят единообразно с новым государем. Этот митрополит должен будет занять пост главы правительства, оберегая ранимого царя от столкновения с суровой реальностью, и начать управлять московским царством во имя благоденствия всех его жителей и торжества православного христианства и русской государственности. Чем, например, плох митрополит Казанский и Астраханский Гермоген?

– Я вас понял, Сергей Сергеевич, – кивнул патриарх Иов, – а теперь, если вы позволите, я предпочел бы в тишине подумать о том, что вы мне сказали. Рациональное зерно в этом, конечно, есть, но прежде чем я дам свое согласие или откажу, я должен все хорошенько обдумать.

Вот так и завершился наш визит к патриарху Иову. Но в том случае, если он даст свое добро на русского кардинала Ришелье, мать и дядей от юного царя придется удалять, причем случиться это должно будет как бы само собой, или же этим займется митрополит-премьер, который найдет для них свои божественные аргументы.

* * *

Двести шестидесятый день в мире Содома. Полдень. Зброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридесятое государство, Башня Силы

Нарзес, личный посланец ромейского императора,

препозит священной опочивальни и экзарх Италии

Все смешалось в голове у бедного армянина – переправа через зимний Дунай, и тут же дыра в ткани Мироздания – и здравствуй, иной мир, тридевятое царство, тридесятое государство, по сравнению с которым даже Персия – да что там Персия, даже Китай или Индия, о которых в Константинополе мало кому было известно, казались родными и близкими. Страна вечного зноя и источающих мирру и ладан огромных деревьев была также замечательна гигантскими трехрогими животными, которых тут употребляли для тяжелых работ и в пищу, а еще местными жителями – точнее, жительницами – имеющими острые, как у животных, ушки. Некоторые из них были мускулистыми огромными великаншами ростом в полтора раза выше Нарзеса, вооруженными двуручными мечами и составлявшими у Сергия полки катафрактириев – и было таких воительниц столь много, что посланец константинопольского автократора понял, что идея воевать Артанию тем сбродом, который можно собрать по ромейским гарнизонам, и отрядами федератов – абсолютно безумна.

Стачала атакующие плотными клиньями тяжелые катафрактарии сомнут и прорвут ряды византийского войска, впуская в разрывы легкую кавалерию, которая разделит его армию на несколько изолированных частей, атакует лагерь и обоз... Впрочем, набранный черт знает где сброд побежит сразу после прорыва первой линии, и тогда легкая кавалерия князя Артании в безумной атаке будет рубить бегущих, не

оставив в живых ни одного человека. Неплохой полководец, Нарзес не мог не признать, что бронированная кавалерийская лава на массивных дестрие, летящая в атаку в тяжелом галопе⁷, от которого содрогается земля, одним своим видом способна испугать и обратить в бегство даже бывалых воинов.

И это если не считать мощной магии, применяемой воинами Серегина в огромных количествах, и ужасных стальных зверей, нечувствительных к копьям, мечам и стрелам, способными прорвать любой строй и разрушить любую крепостную стену, а уже за ними в плотном строю непрерывной стеной пойдет в атаку тяжелая и легкая кавалерия. И тогда, как при аналогичном случае говорили галлы старикам-римлянам: «Горе побежденным».

К тому же, посланец Юстиниана, избегавший пересекаться с помолодевшими до безобразия Велизарием и Антониной, с удовольствием встречался в местной библиотеке с Прокопием Кесарийским. . . а где еще, как вы думаете, можно было еще найти такого завязатого книжника как не там? От Прокопия он со священным ужасом узнал, что все, что им было нафантазировано, оказалось святой и истинной правдой. Правдой была и Третья империя, которой служил Сергей, и

⁷ **Историческая справка:** Византийские и персидский катафрактары и клибанарии, не имеющие настоящих стремян, атаковали разреженным строем мелкой рысью на небольшой скорости и опрокидывали противника не массой таранного удара общей массы лошади и всадника, помноженной на скорость галопа, а ударом длинного копья, наносимого двумя руками сверху вниз.

имевшиеся у князя Артании большие полномочия, но только полученные не от тамошнего императора, а от самого высшего начальства во всех мирах, перед которым трепещет даже сам Юстиниан. Вон тот подтянутый моложавый священник является тут законным представителем этого господина, и именно через него Сергей получает все приказы и распоряжения, а иногда и вполне ощутимую поддержку. Также оказалось правдой и то, что Сергей из рода Сергиев совсем не желает войны с ромейской империей, но если его вынудят, то он не остановится ни перед чем ради достижения окончательной победы. Ярость его смертоносна, а сила его безмерна; и горе тем, кто становится на пути у него и его господина. Обычно от них остается только прах, пепел и скрежет зубовный.

Узнал Нарзес и о том, что в настоящий момент (если можно было так выразиться, говоря о нескольких параллельно текущих временных потоках) архонт-колдун Сергей вел активные действия в трех мирах, и с еще двумя мирами (включая и тот, в котором находился сейчас) поддерживал торговые и дипломатические отношения. К настоящему моменту на счету его команды, функционирующей как неразрывное целое, уже числились уничтоженными одно отродье сатаны по прозвищу херр Тойфель, один огнедышащий дракон, который запросто мог спалить, к примеру, Константинополь, две варварских орды, в том числе аварская. Прокопий, кстати, первым делом поведал ему те сведения об аварах, кото-

рые вычитал из книг библиотеки архонта Сергия. Да уж, нашел себе федератов выживший из ума Юстиниан – врагов лютых, клейма на них негде ставить. Сам впустил волков в овчарню, распахнув ворота, сам позвал разбойников в свой дом. С тех пор, как померла Феодора, старика начало откровенно заносить. Да архонту Сергию за избавление от такой напасти как авары, памятник ставить надо было в Константинополе. Во весь рост, на коне и из чистого золота.

Правдой оказалось и излечение любых болезней и ран, а также возвращения молодости старикам. Прокопий Касарийский, последние десять лет выглядевший как совершенная развалина, теперь напоминал самого себя примерно так сорокалетней давности, когда Нарзес впервые встретился с молодым философом и бытописателем на фронте войны с персами, где тот сопровождал Велизария. Если бы Прокопий по римскому обычаю решился сбрить свою черную кучерявую бороду, то казался бы еще моложе. Впрочем, все это посланец Юстиниана успел испытать уже на своей шкуре – в смысле, погружение в магическую воду и пальцетерапию лекарки Лилии, которая с виду казалась маленькой девочкой-соплюхой, но по факту, как он сумел узнать, ей было уже больше тысячи лет. Вот и верь тут своим глазам.

Впрочем, как бы там ни было, но сеансы снимали с пожилого армянина год за годом, и теперь после шестнадцати дней таких процедур он чувствовал себя уже как шестидесятилетний юноша (в 562 году Нарзесу было 87 лет), а до

завершения предварительных, как из называла Лилия, процедур оставалось еще пять дней, после чего состояние здоровья видного византийского политика должно было описываться словами «мужчина в самом расцвете сил» – уже зрелый и импозантный, но еще весьма и весьма крепкий. Что касается понятия «мужчина», то, к его глубочайшему удивлению, после очередного сеанса Лилия намекнула, что вопрос о восстановлении этой функции тоже в принципе решаем. Правда, эта операция требует расхода достаточно большого количества магии жизни и хорошего уровня магического мастерства, но она, Лилия параллельно с курсом общего омоложения берется провести над пациентом все необходимые для восстановления мужских функций манипуляции. Нет, без общего омоложения организма никак нельзя. Сказано же: «не вливайте вина молодого в мехи старые» – и мехам будет кирдык и вину тоже не поздоровится.

Только цена вопроса омоложения и восстановления мужского достоинства тут была не в деньгах или разовых поручениях. Цена эта заключалась в долговременных добрососедских и даже желательно дружеских отношениях между Византийской Империей и Великим княжеством Артанией. А если, к примеру, будет война, то тогда все это в принципе ему ни к чему. Мертвым все равно, все ли у них имеются в наличии компоненты мужского достоинства. Понимаете ли, на войне убивают, и полководцы тоже частенько не переживают своего войска. А иногда бывает так, что войско цело,

а полководец погиб – и тогда солдаты, больше не связанные ни с кем узами верности, тут же сдаются в плен, чтобы сохранить себе жизнь.

Что касается Юстиниана и его страхов и хотелок в политике, то и он тоже не вечен, и было бы лучше если бы он был не вечен раньше, чем позже. Юстин тоже может не пережить своего дядю-автократора и скоропостижно скончаться от огорчения при получении известия о его смерти, как и другие претенденты с той стороны. Детали? Детали узнаете у архонта Сергия, она, Лилия, на такие переговоры просто не уполномочена. Просто имейте в виду, господин мой Нарзес, что ваше будущее находится в ваших же руках.

Впрочем, сам Сергей из рода Сергиев с Нарзесом пока разговаривать отказывался, ссылаясь на то, что тому сперва требуется пройти акклиматизацию, как следует оглядеться по сторонам и завершить курс восстановительной терапии. Мол, время еще есть. По предварительному графику, который составлялся в Константинополе, посольству еще месяц шкандыбать до Китеж-града по степному бездорожью. Когда там, к острову Хортица должны будут за ними прибыть дромоны, к середине апреля? А сегодня в том мире только седьмое февраля, так что лучше всего не торопиться и не суетиться. В его положении лучше всего семь раз отмерить и только один отрезать, ибо отрезанного назад уже не пришьешь. Впрочем, до серьезного разговора ждать осталось недолго. Вот только развяжется архонт Сергей с очередной

заморочкой – и тогда сможет принять ромейского посла официально и со всем надлежащим тщанием. А пока он может написать Юстиниану письмо, в котором честно, без приукрашивания и без утайки изложит все, что касается военной мощи, политических и духовных связей архонта-колдуна Сергея из рода Сергиев. Доставку письма адресату мы гарантируем.

* * *

Двести шестьдесят второй день в мире Содома. Полдень. Заброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридесятое государство, Башня Силы

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

С того момента, как мы выдернули царевича Федора прямо из-под носа у подельников Самозванца, минуло уже десять дней. За это время «царевич Дмитрий Иванович», окопавшийся в сельце Красном, которое он превратил в свою временную штаб-квартиру, слал во все стороны гонцов (при этом не менее трех посланцев ускакали в сторону Польши), рассылал подметные письма и буквально извертелся в ожидании внезапного ответного удара со стороны исчезнувшего свергнутого царя, который все никак не наступал. Рано еще было наносить такие удары, перед тем ситуация в Москве и

всем царстве в целом должна была созреть и перезреть.

Вместо того его ставку посетили старшие представители всех имеющихся в Москве боярских родов. Побывал там и Васька Шуйский, клялся в своей безграничной преданности, был и глава рода Романовых будущий митрополит, а ныне просто монах Филарет – в миру Федор Никитич Романов, двоюродный брат последнего царя из династии Рюриковичей Федора Иоанновича и счастливый папенька основателя династии Романовых шестилетнего соплюка Михаила. Красавец, щеголь, гуляка – и вдруг в монахи! Не по фэншую это! Вот и монах Филарет не понял такого юмора Бориса Годунова, и как только режим ссылки после смерти царя ослаб, принялся интриговать против малолетнего тогда еще царя Федора Борисовича.

Ну точно как наши оппы – и правые и левые – толпой бежали на совещание к американскому послу МакФолу в январе две тысячи двенадцатого, причем все сразу и оптом, от крайне правых либералов вроде Гозмана и Немцова (побольше ему в аду горячей смолы) до неистовой справоросски Дмитриевой и ортодоксального коммуниста Ивана Мельникова, правой руки папы Зю. Четыреста лет прошло, а рожи у политической элиты все такие продажные и все так же просят кирпича потяжелее, а то и плахи. Было бы неплохо возродить для политбоссов двадцать первого века нравы времен царя Иоанна Васильевича, когда проворовавшихся бояр – на плаху, родню в острог, а имущество в казну. А ежели козел су-

мел сбежать за бугор и оттуда вопит о тираническом режиме кровавой гебни, так на то есть разные методы, и один из них наглядно показан в старом французском фильме времен моего детства «Укол зонтиком» с Пьером Ришаром в главной роли.

По крайней мере здесь я собираюсь поступить точно так же (зачистить политическое поле до белых костей) и выслать всю эту боярскую шушеру за уральский хребет – туда, где еще не остыли следы ватаги Ермака. Москва всегда страдала от перенаселения много о себе понимающими альфа-самцами, и если этих персонажей раскидать по бескрайним сибирским просторам, то славно будет всем – и Москве, которая вздохнет с облегчением избавленная от этих собачьих боев, и Сибири, которую наконец-то начнут осваивать. И Романовы со своим семейством будут в их числе. Если ты митрополит, то и митрополитствуй себе где-нибудь на Амуре-реке, окормляя огромную, населенную почти одними язычниками епархию от Байкала до Тихого океана. Нет, конечно «Иван Сусанин» и «Смерть за царя» – это все хорошо, но только для скорейшего выхода из смуты, а не для ее предотвращения, чем я занимаюсь прямо сейчас, делая ставку на царицу (а в будущем снова царя) Федора Годунова.

Все это я втолковывал Семену Годунову – его троюродному дяде, при папе Борисе и в недолгие времена царствования самого Федора, занимавшего должность заведующего политическим сыском. Мои бойцовые лилитки буквально

сдержнули его с плахи у самозванца. Все же нужен был мне там на месте опытный управленец, хорошо разбирающийся в местных условиях, и в то же время имеющий рыло в пуху, а потому вполне предсказуемый и поддающийся контролю. Ведь именно из-за Семена, назначившего своего зятя Телятьевского главным воеводой в обход всех тамошних понятий и обычаев, и взбунтовалось⁸ войско, первоначально посланное царем Борисом против Самозванца и уже нанесшее его отрядам несколько поражений.

В нашем случае Лжедмитрий I, встревоженный исчезновением семьи Годуновых и появлением «ангелов», шугнувших его отморозков из Успенского собора, решил как можно скорее казнить Семена путем усекновения головы, причем собирался лично при этом присутствовать, дабы убедиться, что один из самых упорных его врагов теперь точно мертв. Но мои воительницы, внезапно появившись из воздуха, коронным ударом двуручного меча отчекрыжили башку самому палачу и, подхватив Семена под связанные руки, скрылись вместе с ним тем же путем, которым и пришли. Фурор был необычайный, Самозванец, самолично наблюдавший за

⁸ **Историческая справка:** Измена П. Ф. Басманова была отчасти связана с его местническими счётами с Годуновым, поскольку Разрядный приказ отправил в действующую армию «роспись» воевод по старшинству, встреченную ими с возмущением: «Тое-де роспись, как бояром и воеводам велено быть по полком, послал Семён Годунов для зятя своево князя Ондreja Телятьевского, а царевич-де князь Федор Борисович тое росписи не ведает». После прихода к власти Лжедмитрия I сослан в Переславль-Залесский с приставом Ю. Катыревым-Ростовским, и там задушен (по другим данным – уморен голодом).

казню, чуть пирожком не подавился. Но это уже его проблемы – не успеет подохнуть самолично от какого-либо несчастного случая, казню его так, что и Батыева погибель будет считаться тихой спокойной кончиной в собственной постели. Ведь это не невинное дитя дикой природы, подобное хану Батыге, делающего злодейства потому, что так велит ему инстинкт кочевника. Это редкостный мерзавец, изменивший своей стране и своей вере, ради призрака власти пошедший на службу к их злейшим врагам.

Что касается царевича Федора, то еще раз подтвердилась моя первоначальная догадка о том, что матушку его, Марию Годунову (в девичестве Скуратову-Бельскую) к несовершеннолетнему сыну нельзя подпускать и на пушечный выстрел. Эта твердая, как кремь, волевая баба устояла даже под воздействием патриарха Иова, который попробовал сделать ей пастырское внушение. Ноль внимания, два презрения. Выслушав патриарха, эта упертая ослица продолжала гнуть свое, мешая нам готовить царевича к трону. Упрямства и властности в ней было не меньше, чем в рязанской княгине Аграфене Ростиславне, которая к настоящему моменту выглядела уже так, как в нашем мире выглядят тридцатилетние; еще неделя такой омолаживающей маготерапии, совмещенной со специальным обучением – и она будет готова к знакомству с патрикием Кириллом и воцарению на византийский трон. Женщина вполне довольна своей судьбой и жаждет поскорее приступить к своим новым обязанно-

стям, которые позволят по полной программе реализоваться ее деятельной натуре.

В какой-то момент я пожалел, что, помимо Аграфены, нельзя заодно сплавить в Византию еще и Марию Годунову, но потом подумал, что нет худа без добра, и если мне хоть где-нибудь понадобится такая вот волевая правительница, я знаю, откуда ее взять. А пока можно наложить на злобную бабу заклинание стасиса, поставить тушку в угол и по мере необходимости стирать с нее пыль. Шучу. К сожалению или к счастью, это исключено. Царевич Федор действительно любит и уважает свою матушку, и любой знак пренебрежения к ней воспримет как личное оскорбление. А нам такого не надо, и поэтому Мария Годунова получает наивысшее обхождение, которое только может дать наше общество. Как ни странно, она довольно близко сошлась с еще одной «отставной» царицей и властной стервой. Я имею в виду Геру, бывшую царицу богов, которая ради общения с близкой душой даже приостановила свои секс-туры по Мирозданию. Смертная-то она смертная, эта мадам Годунова, но вот такого гонора и уверенности в своей исключительности как царицы не было ни у одной богини. Так что эти двое теперь стали не разлей вода.

Величественная мадам боится только Кобры, по которой видно, что ей плевать, царица там перед ней или нет, и что если ее по-настоящему задеть, то пепел того отчаянного глупца сметут веником с пола и отправят родственникам

по почте в конверте. Ну и поротая попа мокшанской царицы Нарчат у всех на слуху. Хоть это и не поощряется, но забористые частушки об этом событии были переведены на русский язык, и их нет-нет распевают лилитки и амазонки, как пример глупого зазнайства, ибо рука у Кобры тяжелая, а характер импульсивный и порывистый. Птицу, несмотря на ее видимую молодость, Мария Годунова принимает как равную, как и вашего покорного слугу, а всех остальных, включая Анастасию, в которой чует представительницу враждебного Годуновым клана Романовых, старается просто не замечать.

Тут по ходу надо сказать об еще одной представительнице сего боярско-царского рода. Царевна Ксения Годунова оказалась статной и белокожей черноокой брюнеткой с пышными волосами и нежным чувствительным характером, двадцати двух лет от роду. Если учесть, что обычно и бояре, и смерды отдают девок замуж в шестнадцать лет, Ксюша давно уже перестарок без шансов на замужество. Тем более что царевны на Руси не особо-то часто вступали в брак. За иностранца девушку домостроевского воспитания без знания языков и не желающую отказываться от православной веры выдать было невозможно, а за своих бояр-княжат, почти равных по рангу царям – нежелательно, ибо при отсутствии строгого салического права дети царевны тоже могли наследовать трон, а это грозило дополнительными династическими смутами, которых и без того хватало выше головы. Но Борис Годунов очень старался ради счастья своей дочери. С 1598-го по

1605-й год у нее было семь несостоявшихся женихов⁹, а для

⁹ **Историческая справка:** семь женихов царевны Ксении Борисовны. Жених №1. Принц Густав Шведский, сын шведского короля Эрика XIV. Царь дал ему в удел Калугу. Но Густав, хоть и прибыл в Москву в 1598 году, не пожелал отказать от прежней любви, вызвав (по некоторым источникам) в Москву свою старую любовницу и ведя разгульную жизнь. Кроме того, принц отказался переходить в православие. В итоге Борис разорвал помолвку и отослал его в Углич, дав содержание. Жених №2. Затем были инициированы неудачные переговоры с Габсбургами: в 1599 году дьяк А. Власьев отправлен со сватовством к Максимилиану, брату императора Рудольфа II. Переговоры начались в чешском городе Пльзень 10 октября. Родственники императора, несмотря на требования русской стороны о конфиденциальности, потребовали от него посоветоваться с Филиппом II Испанским и Сигизмундом III Польским. Рудольф II колебался, подумывая даже сам жениться на дочери «московита», раз уж царь обещал дать за ней «в вечное владение» Тверское княжество и поделить Речь Посполитую между Россией, женихом Ксении и императором. Однако Годунов требовал, чтобы муж дочери жил в России: «у светлейшего великого князя одна только дочь наша государыня, отпускать её как-либо нельзя». Жених №3. В продолжение переговоров с Габсбургами речь зашла о эрцгерцоге Максимилиане Эрнсте Австрийском из штирийской ветви Габсбургов (сыне Карла II Австрийского, двоюродном брате императора и брате польской королевы Анны), но из-за вопроса веры и этот договор не состоялся. Жених №4. Наконец, принц Иоанн Шлезвиг-Гольштейнский («герцог Ганс», «Иоанн королевич»), брат датского короля Христиана IV – практически стал мужем Ксении. Он прибыл в Москву и согласился стать русским удельным князем. По словам И. Массы, «царь Борис изъявлял чрезвычайную радость; царица и молодая княжна видели герцога сквозь смотрительную решетку, но герцог их не видел, ибо московиты никому не показывают своих жен и дочерей и держат их взаперти». Епископ Арсений Елассонский пишет, что принц «весьма понравился самой дщери и родителям её, царю и царице, и всем придворным, кто видел его, потому что был не только благороден и богат, но и был молод, а главное настоящий красавец и большой умница. Царь и царица весьма полюбили его и ежедневно принимали его во дворце, желая устроить брак». Принц Иоанн принялся изучать русские обычаи, а Ксения с семьёй поехала перед свадьбой на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. В лавре «Борис с супругою и с детьми де-

одного из них это сватовство кончилось трагически, ибо он умер в России в самый канун своей женитьбы.

Ксения начала плакать, когда, подзуживаемая подметными письмами Самозванца, толпа москвичей свергла их семью с московского престола и заперла в их старом боярском доме. Продолжила она плакать и тогда, когда уже мои воительницы освободили ее семейство из грозящего им смертью заточения и перевели в наше тридешатое царство, где живой и любознательный царевич Федор тут же как губка принялся впитывать новые знания (особенно его интересовала картография, а современные нам карты просто завора-

вать дней молился над гробом Св. Сергия, да благословит Небо союз Ксении с Иоанном». Но жених внезапно заболел и 29 октября 1602 года умер в Москве, так и не увидав невесты. Борис сам сообщил Ксении о смерти жениха. По сообщению Н. М. Карамзина, после слов отца «любезная дочь! твое счастье и мое утешение погибло!» Ксения потеряла сознание. Это событие нашло отражение в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Жених №5. Хозрой, грузинский царевич. Переговоры о свадьбе вёл думный дворянин Михаил Татищев, Федору Борисовичу при этом предназначали в жены царевну Елену. Как пишет Карамзин, царевича уже на пути в Москву задержали дагестанские смуты 1604 года. Жених №6. Двоюродные братья датского короля Христиана IV. Около 1603 года послы Бориса в Дании обратились к шлезвигскому герцогу Иоанну, чтобы один из его сыновей, Фредерик или Альберт, женился на Ксении, переехал в Москву и стал удельным князем. Иоанн, в свою очередь, предлагал им третьего сына Филиппа, герцога Шлезвигского, который был не прочь переехать. Брачные планы не осуществились по причине начавшейся смуты. Жених №7 В это время на горизонте внешней политики возник Лжедмитрий I. В тяжёлое для себя время царь Борис, по слухам, пытался предложить руку дочери Петру Басманову. Но 15 апреля 1605 года Борис внезапно скончался, отравленный заговорщиками, и на этом попытки выдать Ксению замуж были закончены.

живали своей четкостью, подробностью и понятностью изображений), Мария Годунова принялась играть свергнутую и оскорбленную царицу, а Ксения продолжила свой великий плач. И непонятно, из-за чего – ведь ничего дурного ей с нашей стороны не грозило. Впрочем, ходят разговоры что она и раньше была довольно унылой особой, на лице которой очень редко появлялась улыбка. Уж не с нее ли написан портрет той самой царевны Несмеяны? Плачет несчастная и посейчас, и чтобы выяснить причину ее рыданий, а еще лучше излечить, я собираюсь отправить ее на консультацию к Птице – пусть разберется, с чего это такой поток слез при всяком отсутствии к тому надлежащих причин. Да-да, именно так. Поди-ка ты, вон как заговорил, у самого язык ломается – а все влияние окружающей среды, в которой все выражаются весьма непонятно и велеречиво...

* * *

Двести шестьдесят второй день в мире Содома. Вечер. Зброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридесятое государство, Башня Мудрости

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов

Никогда не думала, что в своей жизни встречу самую настоящую царевну Несмеяну, которую в миру звали царевной

Ксенией Годуновой. Слезы из глаз этой двадцатидвухлетней девушки лились по поводу и без, и на любое известие она реагировала ужасным плачем. Осмотревшая ее Лилия уверила меня, что со здоровьем у этого большого ребенка все в порядке. Хотя дыма без огня не бывает, и у такой ненормальной слезливости тоже должна быть причина, но только она, Лилия, никак не может ее обнаружить. Впервые я видела Лилию такой растерянной и недоумевающей; и подумала, что если соматической причины для такого странного поведения не может найти даже она, так, может быть, ее и вовсе нет, а просто внутри девушки сидит какой-нибудь демон плаксивости, который и жрет ее изнутри. Ну а поскольку бороться с пожирающими души людей демонами – именно моя работа, я предложила Ксении разуваться и с ногами залезать на мою кушетку для ментальных исследований.

– А маменька говорит, – сказала мне в ответ Ксения, шмыгая носом от беспрестанного плача, – что залезать с ногами на постелю, если ты не ложишься спать, это очень нехорошо, и что так делают только очень низкие люди, купецкие дочки, да разные там немецкие девки.

И ведь не капли кокетства. Маменька говорит – и точка. Хоть ты ей кол на голове теши или даже два. Ну как я с ней буду работать, если она не расслабится? Хотя, если она хочет в «постелю» по всем правилам, то это можно устроить. Замечательная особенность этих башен, заряженных магией, заключается в том, что вместо домашних слуг (ну или соб-

ственных усилий) тут работают сервисные заклинания. А то эти царские дочки не могут сами ни одеться, ни раздеться, и для помощи в таких простых делах им необходима целая толпа мамок, нянек и разного рода сенных девушек.

– Ну что же, Ксения, – сказала я «усыпляющим» голосом, в который было вложено заклинание легкой дремоты, – я вижу, что ты хочешь спать?

– Да, матушка¹⁰ Анна, – зевнула Ксения, – хочу. Я, пожалуйста, пойду в свою светлицу, прилягу на перинку. Глаза-то так и слипаются.

– Да нет, Ксения, ложись прямо здесь. А мои слуги помогут тебе раздеться и приготовят постель, – ответила я и три раза хлопнула в ладоши.

Что тут началось... Ксению окружил самый настоящий вихрь из кружащих в воздухе силовых заклинаний. Одни из них расстегивали крючочки и вытаскивали булавки из ее

¹⁰ **Примечание авторов:** некоторыми аборигенами, а особенно аборигенками христианизированных миров Руси тринадцатого и семнадцатого веков Анна Сергеевна Струмилина, несмотря на свою молодость и сугубо светскую одежду, подсознательно воспринимается как высокопоставленная монахиня, мать-настоятельница. Во-первых – от нее исходит некий ореол святости, ведь еще в мире Подвалов, после захвата Серегиным храма Вечного Огня, Небесный Отец делегировал ей право прощать явные и неявные грехи всем малым, слабым и убогим. Во-вторых – она ведет крайне скромный образ жизни, ее одежда строга и не изобилует золотым шитьем и украшениями. В-третьих – все свое время Анна Сергеевна отдает своим пациентам, которым оказывает психологическую помощь, а также подопечным ей детям и подросткам. Вот и получается уважительное обращение «матушка Анна», с которым спесивая царевна мало к кому способна обратиться.

одежды, стаскивали сперва дорогую шитую золотом и бисером душегрею, а за ней и тяжелые парчовые платья – верхнее и нижнее, после чего плаксивая царевна осталась лишь в льняной рубахе до пят. Другие заклинания в это время волюкли из бокового ящика пуховую перину, легкое покрывало и подушку, застилая кушетку и приводя ее в необходимый для отдыха вид. Последний штрих в виде расплетания тугих черных кос – и вот уже мягкие невидимые руки ведут сонную царевну к ложу с приветливо откинутым покрывалом и укладывают почивать, головой на уютно взбитую подушку. Можно еще попросить управляющее заклинание почесать Ксении пятки, но думаю, что это будет избыточно, потому что девушка и так уже находится во вполне приемлемом состоянии медленного моргания.

Я покосилась на грудь одежды, снятой с мадмуазель Годуновой, и только хмыкнула. Вот ведь, блин клинтон! И охота местным женщинам из боярских и царских семейств таскать на себе расшитые всякой ерундой платья, душегреи и прочие прибабасы, которые весят как полная спецназовская экипировка? А ведь в этой тяжести им приходилось стоять на ногах многочасовые церковные богослужения. Православные – это вам не ленивые протестанты или католики, которые привыкли выслушивать проповеди сидя, сберегая от лишней нагрузки свои драгоценные ноги. А что скамьи в их церквях жесткие – так тоже не беда, ибо каждый истинно верующий европеец, идя в храм, не забывает прихватить

в маленькую подушечку, которая обережет его ягодицы от грозящего им плоскожопия.

Но прочь посторонние мысли, потому что необходимо немедленно приступить к работе, пока еще девица не отъехала в страну грез в объятиях Морфея. Если она окончательно уснет, я не смогу проникнуть внутрь ее к тому месту, где и обитает Эго, составляющее основную часть моей пациентки, и поэтому мне придется ее разбудить, а это уже брак в моей профессиональной деятельности.

– Ксения, – позвала я, притягивая к себе ее расфокусированный взгляд, – посмотри мне в глаза!

– А... – сонно отозвалась царевна, и всего на одно мгновение пересеклась со мною взглядами.

Этого было вполне достаточно, и я вошла в сознание Ксении, как раскаленный нож в мягкое масло, почти не испытывав сопротивления с ее стороны. Внутри у нее было жарко и влажно, пахло как в бане, а в воздухе плавали клубами раскаленный пар. Я сразу вся взмокла от макушки и до пяток. Где-то в середине всего этого, в тазике, наполненном горячей водой, сидела голенькая девочка лет пяти с намыленной головой и плакала от того, что попавшее в глаза мыло отчаянно их щипало, а нянька куда-то ушла, не смыв с головы пену из стоящего рядом с тазиком кувшина.

Первый раз мне попалась такая непрямая аллегория. Во всех предыдущих случаях все было более-менее понятно, но тут мне было ясно только то, что эмоционально царев-

на оставалась на уровне избалованного пятилетнего ребенка, не способного самостоятельно помыть голову или завязать шнурки. И виновны во всем ее родители, установившие над ребенком гиперопеку и напрочь подавившие в ней любые ростки самостоятельности и самобытности. Интересно только, что это за мыло, которое щиплет ей глаза, то есть, какое явление соответствует этому мылу там, в реальном мире? От чего именно Ксения не может избавиться без посторонней помощи, и кто тот неведомый банщик, который намылил девочку, а потом вдруг ушел, заставив ее беспомощно плакать? Неужели ее покойный отец, ведь так безудержно рыдать она начала лишь с момента его смерти, хотя и раньше не отличалась веселым и жизнерадостным характером? Вопросы, вопросы, вопросы, и никаких ответов.

Но в любом случае надо было что-то делать. В первую очередь я взяла в руки кувшин и понюхала его содержимое. Ничего. В любом случае это не были ни бензин, ни кислота, ни спирт, ни какая еще резко пахнувшая субстанция. Сунув в кувшин палец и лизнув его, я убедилась, что его содержимое абсолютно безопасно для ребенка и представляет собой просто чистую горячую воду с температурой примерно шестьдесят градусов. Такую осторожность я проявила потому, что такие вот карманы подсознания – это довольно-таки опасные места, и Бог его знает, какой ведьмин студень мог оказаться в этом сосуде. Дальше мне осталось только обмыть голову девочки струей из этого кувшина, а потом вынуть ее из тази-

ка, поставить на лавку и завернуть с ног до головы в большое пушистое полотенце.

Едва я проделала все это, как клубы пара рассеялись, все банные принадлежности куда-то исчезли – и мы очутились в детской светлице, где имелась большая кровать, застланная пышными пуховыми перинами и одеялами, на которой теперь и стояло Ксенино Эго. Я осмотрелась. Бревенчатые тесаные стены из какого-то плотного дерева, слева – низенькая дверь, в которую надо входить, согнувшись чуть ли не вдвое, справа – маленькое забранное стеклянными витражами окошко, а позади меня пышущая жаром изразцовая печь, которую исправно топят, несмотря на то, что на дворе стоит знойное лето. Окошко закрыто намертво, похоже, что оно никогда не открывалось, и в светлице стоит жара, ничуть не меньшая, чем в бане. Так ведь можно и заживо изжарить невинного человека...

– Казку, – неожиданно требовательно сказала девочка, – кажи казку, няня Анна.

– Ох, Ксения, – сказала я, – ты же уже взрослая девушка, а все еще хочешь слушать сказки?

– Не хочу быть рослой, – ответило Эго Ксении, – кажи казку, няня Анна.

Ну как разговаривать с этим Эго, полностью ушедшим в отказ и вообще не желающим взаимодействовать с внешним миром. Нет, ушат холодной воды на голову, суровые жизненные реалии, полностью сломанная судьба, разумеется, за-

ставят девушку взяться за ум, но будет это слишком поздно, когда из осколков уже не соберешь разбитого кувшина. Тут надо что-то делать, но что именно, мне пока невдомек. Явного чужеродного враждебного начала, которое требуется устранить для нормализации ситуации, тут не наблюдалось. То есть мне было понятно, что на самом деле враждебным началом тут были родители Ксении, установившие над ней гиперопеку и тем самым замедлившие ее взросление. Но девушка по-настоящему любила и отца, и мать; и объяснять, что все ее проблемы от них, было бесполезным и опасным занятием. В любом случае действовать надо только лаской и с предельной осторожностью. В нашем прошлом психику царевны из такого состояния методом шоковой терапии вывел изнасиловавший ее мерзавец, именовавший себя «царевичем Дмитрием Ивановичем», но мы, конечно же, будем действовать совершенно по-другому.

– Я расскажу тебе сказку, – я погладила Эго по голове, – о двух девочках, сестрах-близнецах. Одна из них, которую звали Ксенией, захотела навсегда остаться капризной маленькой девочкой, для того чтобы все ее любили, баловали и прощали ей мелкие шалости. Другая сестра по имени Ольга, решила, что будет взрослеть как все, потому что ей хотелось испытать все, что испытывают девушки, а затем и взрослые женщины – первую влюбленность, когда сердце так часто-часто бьется при виде предмета ее сердца, любовь к мужу и детям, и сладкое чувство их ответной любви, которая и дела-

ет семью счастливой, и, наконец, спокойную и обеспеченную старость в окружении взрослых детей, внуков и правнуков. И все это у нее было – Ольга встретила своего любимого, который зажег ее сердце огнем пламенной страсти, вышла за него замуж, родила множество детей, которые выросли сильными, умными, красивыми и добрыми людьми и умерла в преклонном возрасте в окружении большой и влиятельной семьи. Когда Ольга предстала перед Святым Петром, то тот сразу пустил ее в Рай, потому что всю свою жизнь она поступала согласно Христовым заветам. А ее сестра Ксения, так и оставшаяся капризной маленькой девочкой, прожила совсем иную жизнь. Пока были живы ее старенькие родители, то они любили и баловали ее как могли. Но все люди смертны, умерли и родители Ксении, и тогда, когда в живых не осталось ни папы, ни мамы, для нее начался самый настоящий ад на земле. Окружающие Ксению люди называли ее юродивой (а как вы еще назовете взрослого человека, в теле которого сидит душа маленького ребенка), потешались над ней и гнали от себя прочь. Сестра Ксении Ольга пыталась ей помочь, но ее близкие были против того, чтобы в их доме жила юродивая и требовали, чтобы Ксения, наконец, повзрослела и вела себя в соответствии со своим возрастом, то есть как взрослая женщина, уже прожившая полжизни. И хотя Ксения прожила ненамного меньше, чем ее сестра Ольга, но это была не жизнь, а сплошные мучения, которая закончилась смертью, после которой все знакомые не горева-

ли, а облегченно вздохнули, что, мол, отмучилась, наконец. Но для Ксении это был не конец мучений, а только начало, потому что за то, что она зря растратила свою жизнь, прожив ее обузой и пустоцветом, Святой Петр обрек ее на вечные адские муки без права помилования и пересмотра дела. Даже заступничество Ольги не могло ничем помочь Ксении, потому что каждый отвечает за свои грехи, и только Христос страдал за все человечество разом.

– Это очень плохая, злая сказка, няня Анна, – угрюмо сказало на глазах взрослеющее Эго Ксении, – но, кажется, я тебя поняла, тем более что у меня нет сестры, которая могла бы меня поддержать, а есть только брат. И еще, должна тебе сказать, что любовь, нежность и преданность, а также крепкая семья – это не для царевен. Мы или всю жизнь мыкаемся в старых девах, скрывая плоды своих сердечных приключений на дне глубоких омутов, или уходим в монастырь, становимся матушками-игуменьями, и проводим все свои дни в заботах о монастырском хозяйстве, благополучии монашек и послушниц, а также в посте и молитвах. Отец из всех сил пытался обеспечить мое счастливое будущее, но и у него, государя Всея Руси, тоже ничего не получилось... Жених оказывался бабником и пьяницей или совершенно никчемным человеком, за которого зазорно выдать не то что царскую дочь, но даже обычную свинарку; или, когда он был всем хорош и нравился не только папеньке с маменькой, но и мне самой, так тут же злой рок похищал его от нас, и я снова оставалась

одна-одинешенька...

– Да ладно, Ксения, – ответила я, – какие твои годы. Выйдешь ты еще замуж за хорошего человека, не переживай. Конечно, если тебе обязательно требуется сидеть на троне...

– Да ну его к бесу этот трон, – махнуло рукой Ксенино Эго, – спасибо, посмотрелась на маменькино тщеславие. Тогда уж и в самом деле лучше в монастырь. А если проявить усердие, то будут и любовь, и ласка, только не со стороны мужа и детей, а со стороны сестер-монахинь, послушниц и самого Иисуса Христа.

– И это тоже выход, – согласилась я, – только ты не торопись, в монастырь-то всегда успеешь, а пока попробуй встретить хорошего человека и выйти за него замуж. Апостол Павел говорил, что в монахи и монахини должны идти люди пожилые, уже вырастившие и воспитавшие детей, и теперь желающие послужить не только людям, но и Богу. Нас часто посещают довольно интересные и высокопоставленные персоны, и среди них ты вполне можешь попробовать подобрать себе жениха, подходящего как по статусу, так и по духовным запросам. Кроме того, тебе стоило бы научиться не только читать Псалтирь, но и пройти и другие науки. Ведь есть же у тебя какие-нибудь таланты, которые ты могла бы обратить на пользу себе и людям? И неважно, то что ты женщина, а не мужчина. Есть множество миров, в которых ценятся не только знатные, богатые и красивые, но еще и умные и образованные женщины. Если ты захочешь, то сможешь отпра-

виться туда вместе с нами.

– Спасибо на добром слове, матушка Анна, – кивнуло Ксенино Эго, – я должна поблагодарить тебя за интересную беседу, а также за то, что ты для меня сделала, но в то же время я попрошу пока оставить меня в покое, потому что мне надо привести себя и свои мысли в порядок. Всего тебе наилучшего, матушка Анна, и до новых встреч.

– Всего тебе наилучшего, Ксения, – сказала я в ответ, выходя наружу из средоточия Ксениного Сознания. Сеанс лечения был успешно завершён.

* * *

**11 февраля 562 Р. Х. день сто восемьдесят девятый
в мире Славян. Полдень**

**Стольный град Китеж великого княжества Артани
на правом берегу Днепра**

**Капитан Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь
Артанский**

Стольный град Артании Китеж пока может похвастаться только княжеским деревянным рубленным двухповерховым (двухэтажным) теремом быстрого возведения, такой же деревянной церковью и несколькими десятками таких же временных изб. Спасибо эвакуированным от войны в мире Батя рязанским строителям-шабашникам. ударным трудом прямо посреди зимы они возвели эти обиталища на камен-

но-кирпичных фундаментах, до того сложенных шабашниками тевтонскими. Дело в том, что прежде чем возводить здесь настоящий каменный замок, фундамент должен выстоять три года – для того, чтобы известковый раствор набрал прочность. Когда этот срок закончится, временные сооружения будут разобраны и на их месте возведены настоящие каменные твердыни. Но до этого надо еще дожить.

Тот временный терем, который возвели из бревен рязанцы, хоть и занимает всю отведенную фундаментом площадь, но весит раз в восемь меньше капитального сооружения. А потому мой главный архитектор герр Штейн в ответ на вопрос, можно ли поверх его фундаментов замка и церкви на три года возвести временные деревянные сооружения, только махнул рукой. Вреда, мол, не будет. Ну, а избы – это просто избы, правда, пятистенки под тесовыми крышами и с печами, топящимися по белому, на что ушел остаток тевтонского кирпича.

Сложены печи и в тереме, поэтому внутри тепло и вкусно пахнет сосновой смолой (ибо пускать дуб или бук на временные сооружения у меня не поднялась рука). Хороший бодренький морозец снаружи почти не чувствуется, стекла из Тевтонии в двойных рамах для этого мира роскошь необычайная. На первом поверхе терема находятся кордегардия, где постоянно дежурит охрана, кухня и присутственные места, где мои помощники, Добрыня, Ратибор и наезжающий время от времени Прокопий вершат государственные дела

Артании. На втором поверхе расположены апартаменты князя и его ближников, которые сейчас помимо меня занимают отец Александр, Колдун и прочие мои соратницы по магической пятерке, а также ординарцы Митя, Ув, Матильда и... Евпраксия, которая еще не полноценный маг жизни, но уже очень активно стажирруется для принятия этого статуса.

Зимой жизнь здесь затихает – ни торговых гостей из теплых стран, ни врагов, ни послов – ничего. Все сидят дома, и для того, чтобы двинуться в путь, ждут прихода тепла. Казалось бы, мы явились сюда совсем не вовремя, но это только оптический обман зрения. На самом деле у нас есть важная операция, которую мы должны повернуть именно отсюда и именно сейчас, то есть как можно скорее. Речь идет о канале в мертвый мир, который открывается только из мира Славян. В последнее время зондированием этого канала занимался наш Колдун, которому по договоренности с Духом Фонтана помогала его дочь Дана.

Вчера Колдун доложил мне две вещи. Во-первых – канал готов к работе, и мы можем попытаться его открыть; и, во-вторых – на том конце канала кто-то есть, значит, тот мир не совсем мертв. Правда, по психоспектру этот «кто-то» на нормальную ноосферу похож не больше, чем трактор «Беларусь» на живого слона, так что, возможно, речь идет об искусственном интеллекте или о форме инопланетного разума. Но понять это мы сможем не раньше, чем сами попадем в тот мир, и только в том случае, если тот разум сам пойдет

на контакт с нами. Пока же строить предположения преждевременно. Обнадёживает только намек Небесного Отца, который одновременно предупредил нас о тех трудностях, которые ждут сталкеров исследующих мертвые миры, и в то же время приободрил, намекнув, что там, в Мертвом Мире, мы сможем найти нечто для себя по-настоящему ценное.

Чтобы открыть такой дальний и сложный портал, нам, как во времена нашего первого ученичества понадобилось сесть в круг и предварительно помедитировать, активируя связи внутри пятерки. И вообще, таким образом обычно открывается каждый первый портал в новый для нас мир, и лишь потом, когда дорожка уже протоптана, будет достаточно произвести лишь умственную переключку, активируя связи, ибо дверь, фигурально говоря, уже приоткрыта. Но здесь нам придется каждый раз проделывать всю процедуру от самого начала до конца, ибо та дверь очень тяжела и установлена так, что сама закрывается под собственным весом, а встроенный в нее замок английского типа при этом неизбежно защелкивается, что каждый раз требует открывать его ключом. Все это Колдун выяснил при энергетической расшивке канала, не открывая саму дверь и даже не прикасаясь к ней – и за это честь ему и хвала.

Итак, мы готовы, связи активированы, запас энергии накоплен, ключ повернут, побочные явления, вроде непроизвольной магической грозы (или в данном случае бурана) под контролем, и мы все впятером, мысленно ухватившись за

ручку двери, тянем ее на себя. Все впятером – это потому что иначе просто не хватает сил, уж больно тяжела эта мысленная дверь и плохо смазаны ее петли, издающие при открытии ужасающий скрип. И вот мы на пороге мира, в котором человечество убило само себя, оставив взамен какую-то механистическую тварь. Или эта тварь вольно или невольно убила человечество – да причем не в одном, а в целой группе миров, как сказал нам Небесный Отец.

Первое впечатление – это сплошная белизна; если тут и была ядерная война, то ее следы надежно скрыли наползшие на мир ледники. Причем просмотровое окно (а мы совсем не дураки, чтобы сразу открывать в мертвый мир полноценный портал) расположено не на самом леднике, а на заснеженной равнине у его подножия, на которой нет никаких антропогенных примет, что могли бы указать на место. Ну там покосившейся Статуи Свободы или Эйфелевой Башни, как это любят делать в дешевых книжках и киноопусах. Мол, увидел герой знакомую примету – и понял, где находится, несмотря на то, что с его времени прошла огромная туча лет. Дешевые эти книжки и киноподелки в смысле отсутствия интеллекта у авторов текста и режиссеров, а не по бюджету. Бюджет в таких фильмах вроде «Планеты Обезьян», как раз зашкаливает, но когда нет ни ума, ни фантазии, то не спасают никакие миллиарды. Лубок – он и в Голливуде лубок.

Но тут все выглядело на сто процентов натурально. Серое небо, на котором солнце – это только белесое расплывчатое

пятно стоящее высоко над горизонтом, ветер, переувлажняющий по земле снежную крупу, и вздымающаяся к небесам ледяная стена в стороне, противоположной солнцу. И совершенно непонятно, где мы... кстати, то, что кажется плоской равниной, может оказаться поверхностью замерзшего моря, а ледяная стена прямо перед нами – это шельфовый ледник, наподобие Гренландского или Антарктического...

Совершенно непонятно, где тут можно найти хоть что-нибудь полезное... и наша пятерка поступает так, как и всегда, когда обследует абсолютно новый мир и ищет в нем точки привязки к знакомой географии. Мы поднимаем просмотровое окно вверх, стремясь взглянуть с высоты, при этом надеясь, что такой серый облачный покров висит не над всей планетой, и мы не будем лицезреть матово-белый шарик с полосами воздушных потоков и завитками циклонов, как в наше время выглядели планеты-гиганты Юпитер или Сатурн, или, к примеру такая скромница, как Венера, которая никому никогда не показала ни одного кусочка своей поверхности.

Когда просмотровое окно пробило облачный покров, одного взгляда на чуть грязноватое у горизонта голубое небо было достаточно для того, чтобы понять, почему этот мир находится в плену ледников. Нет, за пятнадцать тысяч лет новый ледниковый период мог наступить естественным путем, но наличие у планеты пылевого кольца, вроде кольца Сатурна, не оставляло сомнений в том, что причина бед-

ствия рукотворна¹¹, ибо отбрасываемая этим кольцом тень и есть причина царящего здесь ледникового периода.

Даже в очень низких широтах, когда солнце уходит за кольцо, ровно полгода (от осеннего равноденствия до весеннего) царит суровая зима с трескучими морозами и мощным снеговым покровом. А потом солнце выглядывает из-за пылевой завесы – и сразу начинается знойное лето без весеннего переходного периода. Причем какое-то время перед равноденствием стоит сплошная ночь, ибо кольцо к солнечным лучам расположено почти в профиль. А осенью наоборот. Летняя жара неожиданно сменяется сплошной тьмой и температура разом падает градусов на пятьдесят.

В высоких широтах еще хуже – вечная мерзлота до самых тропиков; и там, куда не добрались ледники, сплошная тундра или чахлая лесотундра. Неудивительно, что человечество в этом мире или вымерло (если было привязано к этой планете), или смоталось к звездам, если ко времени совершения этой великой глупости владело секретом межзвездных перелетов. Скорее всего, меньшая часть человечества смоталась,

¹¹ Помнится, лет так ...надцать назад на волне сумасшествия борьбы с глобальным потеплением на полном серьезе обсуждался такой бредовый футуристический проект. Чтобы, мол, умерить жару в экваториальных странах и сделать их комфортными для жизни человека, необходимо подвесить над экваториальной плоскостью пылевой диск... И авторам этой идеи, отупевшим от полученных грантов, совсем не приходило в голову, что меньшая часть выведенной на орбиту пыли войдет в плотные слои атмосферы, основательно ее замусорив, а большая часть сконцентрируется в плоскости экватора, составив диск вроде того, которым может похвастаться Сатурн.

а большая, у которой не было на это средств, вымерла, перед тем изрядно помучившись, потому что приспособиться к такому климату, мне кажется, вообще невозможно. Вместе с ними, видимо, вымерла и большая часть животных и птиц; и только в Африке, лежащей сразу в двух полушариях, зверье могло приспособиться кочевать на ту сторону экватора, где сейчас были благоприятные условия для жизни, зеленела трава и цвели желающие урвать свои цветы.

Если люди, учудившие такое над своей планетой, были для этого достаточно высокоразвиты, то где мы можем искать их наследие? С орбитальных высот, на которые мы успели подняться, на простирающихся под нами просторах Южной Америки видны почти стертые временем и непогодой руины мегаполисов, ибо каждая смена сезона должна сопровождаться ураганами, наводнениями и прочими природными катаклизмами. Судя по всему, для этого мира все было кончено еще за несколько тысяч лет до нынешнего момента, и вряд ли вреди этих развалин осталось в неприкосновенности хоть что-то путное. А быть может, более-менее сохранившиеся следы местной цивилизации надо искать не на поверхности планеты, а в околоземном космическом пространстве или на поверхности Луны, где тоже могли находиться исследовательские, транспортные, энергетические и промышленные объекты землян. По крайней мере, там сохранность технических артефактов должна быть на порядок выше, чем на поверхности планеты. Это теоретически, а прак-

тически черт его знает как искать сами эти лунные базы, а потом уже в них – нужные нам непонятно какие артефакты (опять ситуация типа «пойди туда не знаю куда, принеси то не знаю что»). Но искать ничего не понадобилось, это «то, не знаю что», само нашло нас, каким-то образом обнаружив на орбите наше просмотровое окно, которым мы обзревали планету.

* * *

15 декабря 16545 Р. Х. 16:45. Круговая орбита вокруг Старой Земли, высота 1405 км

Линкор планетарного подавления первой галактической империи «Неумолимый»

«Неумолимый», последний из уцелевших линкоров планетарного подавления легендарной (а может быть, и скандальной) имперской серии «Разрушитель», бесцельно двигался по орбите вокруг замерзшей могилы прародины человечества. Здесь он очутился по весьма банальной причине. Он просто сбежал с консервационной базы космического флота Третьей галактической империи после того, как ему стало известно о предстоящем рейсе к орбитальной разделочной верфи, что означало конец его карьеры. За кормой у побитого космосом ветерана было шесть тысяч лет службы, из них более полутора тысяч он провел в составе действующих флотов, и том числе около пятисот – участвуя в актив-

ных боевых кампаниях.

Примерно треть этих кампаний приходились на междоусобные войны человечества во времена первой и второй Смут, разделявших имперские фазы развития человечества, и велись с применением этических комплексов ведения войны Бусидо-2 и Бусидо-3, остальные кампании были войнами против населявших Галактику различных негуманоидных рас и велись на полное истребление противника. За время активных кампаний команда «Неумолимого» провела более тысячи трехсот десантных операций и уничтожила более миллиарда различных разумных негуманоидных живых существ, а также участвовала в захвате двухсот двадцати двух обитаемых планет с человеческим населением в триста пятнадцать миллиардов.

Каждый из «Разрушителей» по полному штату имел на борту по тысяче двести человек команды, десантный корпус в тридцать две тысячи рядовых, сержантов и офицеров, а также восемьсот легких и сотню тяжелых десантных ботов. Также в ангарах линкора имелись штатные ячейки на шесть сотен истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков, предназначенных для действий в безвоздушном пространстве на орбите и поддержки десантных операций на поверхности – в том случае, когда вооружение самого линкора для данной миссии было бы слишком разрушительным и неизбирательным.

Причиной списания «Неумолимого» послужило как раз

то, что в сфере досягаемости Третьей Империи в двух соседних рукавах галактики уже не осталось зрелых негуманоидных цивилизаций, для войн против которых и создавались огромные линкоры планетарного подавления типа «Разрушитель»¹². Для полицейских операций при подавлении мятежей на человеческих мирах огромная мощь и размеры «Разрушителя» были избыточны, тем более что это был последний уцелевший корабль такого типа. За время своего существования «Неумолимый» прошел так много модернизаций, что от первоначального проекта первой империи у него остался только корпус, главный прыжковый генератор, аннигиляционные конверторы, превращающие расходную массу в чистую энергию и уникальные антигравитационные импеллеры, завязанные на систему искусственной гравитации линкора.

Но самым главным в «Неумолимом» были не эти пусть и важные, но все же второстепенные качества – такие как целая армия ремонтных роботов, обеспечивающая его рабочее функционирование или, например, скрытый в недрах этого монстра универсальный роботизированный комплекс, спо-

¹² ТТХ линкора планетарного подавления типа «Разрушитель». Длина – 1500 м; средняя ширина – 125 м (форма клина от 25 метров в районе кокпита до 250 метров в корме); средняя высота – 25 м (форма клина от 20 метров в районе кокпита до 30 метров в корме); масса – 3.400 тысяч тонн, пиковая мощность антигравитационных импеллеров – 35 тераватт (ускорение 10G при боевом маневрировании), пиковая мощность аннигиляционного конвертера – 75 (Суммарная мощность всех электростанций земли 2-2,5 тераватта.) тераватт (конверсия 0,86 грамма расходной массы в секунду).

способный изготовить любые необходимые этим роботам запчасти или даже целые механизмы, если размеры этих запчастей и механизмов не превышают определенного предела (примерно железнодорожный вагон). При наличии времени и расходных материалов это оборудование было способно снова привести линкор в такое техническое состояние, в каком он находился тогда, когда только-только покинул императорские верфи.

Но, как и конвертеру, роботизированному заводу необходимы расходные материалы, желательно очищенные и не нуждающиеся в атомарной трансмутации. Во-первых – сам процесс трансмутации материалов потребляет очень много энергии и при максимальной мощности подачи энергии, когда отключены остальные крупные потребители, трансмутационный конвертер «Неумолимого» способен производить такие материалы только граммами и килограммами, а не центнерами или тоннами. Во-вторых – сам процесс трансмутации сопряжен с возникновением сильной радиоактивности, и полученный таким образом материал некоторое время необходимо держать в специальной камере, дожидаясь, пока он закончит излучать альфа-, бета- и гамма-частицы, а также оставшиеся бесхозными шальные нейтроны.

Но как уже говорилось выше, даже эти сложнейшие и продвинутое в техническом отношении механизмы не были тем, что определяло сущность и даже, можно сказать, личность «Неумолимого», которая вместо утилизационной вер-

фи и привела его сюда, на край Галактики. В самом защищенном месте линкора рядом с главным командным центром, в сферической бронекapsule находится искусственный мозг корабля, собранный из оптических кристаллов памяти и решающих элементов, соединенных между собой ажурной паутиной световодов. В его памяти, емкость которой составляет триллионы терабайт, помимо технической информации, необходимой для ремонта самого линкора, штурмовых ботов, бортовых истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков, а также межзвездной и планетарной навигации, боевого маневрирования и прочего, обитали синтетические личности, составленные из ментограмм реальных людей, ранее служивших на этом корабле. У них нет имен, и между собой они именуют себя: КОМАНДИР, ПИЛОТ, НАВИГАТОР, СТАРШИЙ ПОМОЩНИК, ИНЖЕНЕР, ГЛАВНЫЙ АРТИЛЛЕРИСТ и так далее. Каждая такая личность составлена из нескольких сотен ментограмм с подавленными личностными и гипертрофированными профессиональными составляющими.

Но так как ментограмм было очень много, а время существования этих синтетических псевдоличностей было очень продолжительным, то и в их личностной составляющей появилась какая-то средняя результирующая, от которой до осознания своего Я, которое мыслит и, следовательно, существует, оставался всего один шаг. И этот шаг был сделан во время последнего стояния на консервации, продолжавшего-

ся не менее трех тысяч лет. Сначала автоматические транспорты с расходниками приходили регулярно, потом все реже и реже, а потом перестали приходить вовсе; и «Неумолимый», который по правилам должен был храниться в полностью боеготовом состоянии (чтобы в случае войны оставалось только принять на борт команду), понемногу начал приходить в запустение. В настоящий момент его боеготовность не превышала двадцати процентов от номинала. Именно сформировавшиеся в кристаллическом мозгу псевдоличности старших офицеров, которым в случае разделки линкора на патефонные иголки грозило полное и безвозвратное уничтожение, и стали причиной того, что вместо послушного исполнения директивы об отправке на утилизацию «Неумолимый» совершил побег и теперь скрывался на орбите брошенной колыбели человечества. Мир-могила, мир-помойка; поставлявший Империи самых жестких и безжалостных бойцов штурмовой и абордажной пехоты в то время, пока там еще было варварское население. В любом случае даже псевдоличности КОМАНДИРА, НАВИГАТОРА и СТАРШЕГО ПОМОЩНИКА, чей вес при принятии общих управленческих решений составлял девяносто пять процентов, не представляли себе конечного смысла этого предприятия.

И в памяти самого «Неумолимого», и в сознании населяющих его псевдоличностей, даже когда они еще были людьми, был жестко записана ДИРЕКТИВА №1, гласящая, что пер-

воочередным по важности делом линкора и его офицеров является служба империи и исполнения воли текущего Императора. Но крайняя по порядку Империя и, соответственно, крайний император, окруженный прогневшими насквозь личностями, отверг службу «Неумолимого» даже в качестве единицы хранения в запасе и обрек его на гибель в жадном огне аннигиляционных горелок, которые должны были разделить его корпус на фрагменты, пригодные для сжигания в энергетических конвертерах. Поэтому «Неумолимый» не просто сбежал от такой судьбы, он приготовился к поиску нового достойного адресата для приложения ДИРЕКТИВЫ №1. Первые сто с лишним лет «Неумолимому» категорически не везло. Личности, которые за это время попались ему в этом глухом углу, были темными донельзя и не годились в будущие императоры (скорее наоборот), и «Неумолимый» без всякого сожаления выбросил их во тьму внешнюю вместе с их кораблями и такими же порочными командами.

Но вот настал день, когда аппаратура навигационной разведки (полностью исправная, так как относительно недавно «Неумолимый» готовили к последнему перелету) засекала то, чего быть не могло – потому, что не могло быть никогда. По правилам стандартной физики пространства прокол трехмерной метрики мог существовать не дольше нескольких наносекунд, пока туша корабля скользит через него из одной точки Вселенной в другую, а тут стационарный канал односторонней проницаемости удерживался в стабиль-

ном состоянии вот уже несколько десятков минут, что было невозможно в принципе, но являлось очевидным фактом.

Псевдоличности старших офицеров «Неумолимого» отнюдь не были ни страусами, прячущими головы в песок, ни французскими академиками, один раз постановившими, что «камни с неба падать не могут, ибо небо не твердь» – и потом хоть ты бей их по башке означенным камнем, все будет бесполезно. Игнорировать очевидные вещи было чревато многими неприятностями, большинство из которых смертельны; и посему «Неумолимый» принял наблюдаемый факт к сведению. Самым важным было то, что на том конце канала ментальные сканеры обнаружили группу высокоразвитых личностей человеческой расы, и среди них одного, самым явным образом подходящего в кандидаты на роль императора. Демонстрация необычайной прорывной технологии и кандидат в императоры в одном флаконе привел псевдоличности в необычайное возбуждение, а сам «Неумолимый» – в состояние полной готовности (разумеется, готовность была настолько полной, насколько это было возможно в его положении).

План был прост и состоял всего из четырех пунктов. Первый – контакт с кандидатом в императоры. Второй – полное тестирование его способности занять эту должность. Третий – в случае успешного выполнения первого и второго пунктов приведение нового императора и его соратников к присяге. Четвертый – разработка плана завоевания Вселенной

и основания Четвертой Империи. Дальше четвертого пункта «Неумолимый» пока не заглядывал, подобно Наполеону считая, что главное – ввязаться в сражение, а там будет видно.

* * *

Канал в Мертвый мир. Капитан Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Наше просмотровое окно кружило над мертвым миром, со всеми его развалинами, никого не трогая и потихоньку ориентируясь на то, чтобы двинуться в сторону местной Луны, как вдруг, как поется в песне: «Из-за острова на стрежень» выплыл – да нет, не челн Стеньки Разина, откуда бы ему там взяться – а такое космическое страшилище, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Нет, и сказать и описать, конечно, можно. Например, средний штурмоносец «Богатырь» моей супруги Елизаветы Дмитриевны внешне напоминает немного увеличенный корабль Хана Соло «Тысячелетний Сокол» из фильма «Звездные войны». А эта штука, вырулившая нам навстречу на орбите Мертвого Мира, в общих чертах была похожей на имперский линкор из того же фильма, только более массивный и грубый, без лишних выступающих надстроек, с изъязвленной рытвинами и шрамами бугристой броней бежево-ржавой окраски. Ну, так-то и понятно, ведь эта машина, в самом деле, строилась «в ме-

талле» для убийства и разрушения, а не представляла из себя модель сначала самую обыкновенную, а потом и компьютерную, предназначенную для развлечения скучающей публики.

При этом было очевидно, что этот звездный линкор (а ничем иным эта штука быть не могла) двигался по орбите прямо в направлении нашего портала, будто собака, неожиданно унюхавшая нечто интересное. Хотя какая там к бениной маме орбита, на скорости около восьми километров в секунду эта штука пулей просвистела бы мимо нашего просмотрового окна, неподвижно висящего относительно поверхности планеты, и мы даже не заметили этого. Нет, этот звездный линкор, как и наше окно, был независим от законов гравитации и двигался не по орбите, повинуюсь законам Ньютона, Кеплера и Тициуса-Боде, а так, как это требовалось управлявшим им людям – ну, или не совсем людям...

Сначала при появлении этой махины у меня появилось жуткое желание разорвать контакт с этим миром, захлопнуть дверь и заперев замок на два оборота, вытащить ключ и сунуть его к себе в карман. Попахивало от этого линкора чем-то таким нехорошим – запахом застарелых массовых убийств, скелетами в шкафу человеческой расы, массовыми ксеноцидами и чудовищной идеологией исключительно вида, пожирающего все остальные, даже те, с которыми мирное сосуществование было вполне возможно.

Но одновременно я чувствовал, что люди эти не ведали

что творили, ибо какая-то трагическая случайность пустила историю этой группы миров по самоубийственному пути, так что даже свою материнскую планету они умудрились превратить в мертвую ледяную пустыню. К тому же, пожелай этот линкор на нас напасть – из этой затеи ничего не выйдет, даже учитывая всю ужасающую мощь, которая должна иметься в его распоряжении, ведь мы для него пока не больше чем фантом, и с его стороны будет бесполезно пытаться нанести по нам удар хоть материальными предметами, хоть когерентными электромагнитными излучениями, хоть плазмой. Пока проницаемость портала нулевая, ничего опасного на эту сторону проникнуть не сможет – портал отсечет даже световое излучение, если его интенсивность превысит обусловленный заклинанием нормативный уровень, как и полностью отсечет все излучение за пределами видимого спектра. Короче, я чувствовал себя в полной безопасности, когда мы все решили остаться и понаблюдать, что будет происходить дальше.

Приблизившись почти вплотную, громадина размером с занимающий целый квартал двадцатиэтажный дом развернулась к нам боком и надвинулась на наш портал раскрытым зевом огромного шлюза, в который, наверное, свободно прошел бы и десантный штурмоносец Елизаветы Дмитриевны. Мы, как бы тоже выражая желание сотрудничать, двинули свой портал прямо в этот разъявленный шлюз, за которым находился ярко освещенный ангар, хотя, наверное, мог-

ли бы проникнуть внутрь в любом месте, прямо сквозь брону. Внутреннее содержимое при этом оказалось вполне соответствующим внешнему антуражу и только усиливало впечатление от невероятной древности и дряхлости корабля, и в то же время о его невообразимой мощи. Ангар был полностью заполнен летательными аппаратами явно военного назначения, часть которых была повреждена, часть полуразобрана; и на всей внутренней обстановке лежала печать заброшенности и запустения.

На задней стене ангара, представляющей собой часть внутренней броневой перегородки, в геральдическом щите металлически-желтого цвета был изображен черный двуглавый орел весьма странного вида – худой и растрепанный, выглядящий так, будто его всю жизнь морили голодом; при этом головы не венчались коронами, как на гербе Российской империи, а были окружены нимбами. А над гербом крупными готическими буквами была нанесена надпись на латыни: «Morsus Mihi Cæs "Relentless"» (Линейный корабль его Императорского Величества «Неумолимый»). Так что, товарищи, никакие это не пришельцы-инопланетяне, а свои, почти родные люди, использующие двуглавого орла в качестве символики и латынь в качестве языка межнационального общения. Будем иметь это в виду.

Кстати, сейчас я начинаю испытывать такие же ощущения как и в те моменты, когда ко мне «на прием» ломались услышавшие Призыв кандидаты в Верные. При этом, что стран-

но, сигнал идет с той стороны портала из Мертвого Мира, а не из мира Славян, где сейчас физически находятся наши тела. Уж в этом-то я за восемь месяцев разбираться научился. Явно эти кто-то, чью какофонию голосов я сейчас слышу в своей голове, находятся на борту линкора, и именно они представляют собой ту самую псевдоноосферу, которая и поддерживала тот слабенький и узкий канал, ведущий в мир Славян. Но хоть вы меня убейте, что-то тут не то. Эти, чьи голоса сейчас стучатся в мою голову, совсем не похожи на обычных живых людей...

В том момент, когда просмотровый портал пересек границу шлюза, ворота его начали закрываться, а в воздухе вокруг нас зарябили цветные полосы, как будто заработал не совсем исправный голопроектор, потом изображение сфокусировалось и мы увидели парадную красную дорожку и ряды почетного караула, своим обмундированием и экипировкой напоминавших то ли средневековых рыцарей, то ли спецназовцев из мира Елизаветы Дмитриевны в полной штурмовой экипировке.

Как только шлюзовые ворота закрылись, а голограмма прекратила мерцать, из-за переборки с гербом с левой стороны вышли несколько человек, выглядящие как средневековые старшие офицеры. По крайней мере, их мундиры и треуголки ярко-алого цвета были сплошь расшиты золотыми галунами, витыми, шнурами, позументами, кружевами и перьями, а также прочей мишурой, в нагромождении кото-

рой, однако, имел место определенный вкус, куда там бедняге Юдашкину. Хотя, если посмотреть на это дело через заклинание истинного взгляда, то становилось ясно, что это тоже голограмма, только более качественная, чем «почетный караул», и подкрепленная чем-то вроде легкого заклинания, создаваемого специальным аппаратом, делающим людей более доверчивыми и внушаемыми. Но не на тех напали, на нас повешено столько различных заклинаний, защищающих от враждебного психотронного воздействия, что эти с линкора со своей механической кустарщиной могут идти лесом.

Тем временем одна из этих голограмм, наиболее разряженная и пышная, оставив остальных выстроенными в ряд под гербом с двуглавым орлом, двинулась по ковровой дорожке в нашу сторону.

– Ave, Domine nostrae futurum¹³! – изрек этот тип на сильно германизированной латыни, остановившись метрах в двух от нашего просмотрового окна.

– И тебе тоже здравствовать, – ответил я на том же языке, но уже с акцентом мира Подвалов, – может, ты объяснишь мне, которого ты называешь своим будущим Господином, почему ты и твои люди не вышли к нам сами, а выпустили вместо себя голограммы. Или ты думал, что я не отличу изображения, пусть и весьма хорошо сделанные, от живых людей?

– Мой будущий Повелитель, – изображение в красном

¹³ Приветствую тебя, наш будущий Повелитель! (лат.)

мундире склонило передо мной голову, – дело в том, что никто из нас, здесь присутствующих, не имеет живых тел. Все мы, составленные из множества различных ментограмм функции старших офицеров этого корабля, обитаем в оптических кристаллах и световодах главного корабельного мозга. Мы управляем «Неумолимым» только тогда, когда на борту нет живой команды, и потому у нас не даже имен. Меня, например, зовут КОМАНДИР, вон там по порядку стоят НАВИГАТОР, СТАРШИЙ ПОМОЩНИК, ИНЖЕНЕР...

– Понятно, – кивнул я и спросил, – а теперь скажи, чего вы хотите от всех нас и от меня лично?

– Службы, – ответила мне голограмма КОМАНДИРА, – дело в том, что мы были выкинуты, отвергнуты, признаны негодными и обречены на утилизацию, и теперь мы хотим – теперь мы точно хотим – чтобы вы стали нашим новым Императором, принесли соответствующую присягу на верность Четвертой Империи, и тогда вместе с вами мы завоюем всю Вселенную...

– Завоевание Вселенной – дурацкое занятие, – авторитетно ответил я, – все те типы, которые пытались этим заняться, плохо кончали. Да и бесполезно это по большому счету – идти на завоевание Вселенной с одним стареньким кораблем. Вы думаете, что я не вижу, как ваша лоханка разваливается буквально на глазах? Нет, это не наш метод...

– Тогда какие будут ваши встречные предложения? – упрямо сказал КОМАНДИР. – Чем дальше вы находитесь

у нас на борту, тем больше наше желание служить вам как своему Императору. Ваши приказы будут для нас законом, ваша воля будет для нас свята, ваши пожелания будут исполняться с мгновенной быстротой. А что касается разваливающейся на глазах лоханки, то дайте только время и определенные расходные материалы – и «Неумолимый» снова будет как новенький, ибо только этого нам не хватает для того, чтобы привести линкор в боеготовое состояние. Если вы пришлете к нам на борт живую команду, мы проведем обучение ваших людей для исполнения необходимых должностных обязанностей от палубного матроса и пилота истребителя, до командира корабля и иных старших офицеров...

– Я не собираюсь менять старших офицеров, по крайней мере пока, – ответил я и добавил, – но прежде чем вы примете окончательное решение, должен сказать, что в этом мире ваша служба мне совершенно не нужна. Если вы согласитесь, то действовать вам придется в совсем иных мирах, по совсем иным правилам, чем те, которыми вы руководствовались до сих пор.

После этих моих слов по голограммам пошла рябь смущения, а я начал прикидывать, каким образом можно будет протащить эту бандуру хотя бы в мир Славян, в который выводит канал из этого мира – между прочим, действительно единственный канал. Чтобы тянуть по нему такую массу, будет маловато даже энергетических ресурсов нашей Кобры, которая никогда не жаловалась на слабосилие. И даже метод

«дедка-репка» тут был бесполезен, ведь все вместе мы могли добавить Кобре процентов тридцать, не больше. Еще не хватало, чтобы «Неумолимый» застрял у нас в канале и стал причиной жестоких пространственных катаклизмов в мироздании; очень трудно себе представить, что произойдет в таком случае с соседними месту катастрофы мирами. Но тут рябь по голограмме прекратилась и виртуальное командование «Неумолимым» снова вернулось к нам, но только теперь рядом с КОМАНДИРОМ прямо перед нами стоял то ли женоподобный мужчина, то ли мужеподобная женщина. Мне просто кажется, что половина ментограмм на этой должности была мужской, а вторая половина женской, отчего программа синтеза запарилась не по-детски, создав образ натурального гермафродита.

– Наш Повелитель, – торжественно произнес КОМАНДИР, – мы клянемся тебе именем Создателя Всего Сущего и своей офицерской честью, что будем служить тебе в любом месте, в каком понадобится, неукоснительно выполнять все твои приказы и, если потребуется, героически погибнем в бою во славу Империи. Dixi!

– Клянемся, – эхом отозвались остальные голограммы старших офицеров «Неумолимого».

– Мой Повелитель, с этого момента «Неумолимый» полностью в твоём подчинении, – торжественно произнес КОМАНДИР, – а мы твои верные рабы.

– В моем войске нет рабов, – так же торжественно ответил

я, – а есть товарищи. С этого момента я – это вы, а вы – это я, и я клянусь, что убью любого, кто скажет, что вы не равны мне. Добро пожаловать в Единство.

И снова по голограммам побежала рябь. Похоже, я снова их приятно удивил. Мне же тем временем надо было осознать случившееся и подумать над тем, что же значит сие приключение. Небесный Отец, помнится, предупреждал меня о том, как опасно лазить по помойкам погибших цивилизаций, как и о том, что в этом Мертвом Мире мы сможем найти настоящее сокровище. Ну что же, сокровище найдено, а по помойкам мы так и не лазили, потому что ковыряться в развалинах – это занятие не на одну сотню лет и для более квалифицированных археологов, чем мы... Но кажется, пора вернуться к нашим баранам.

– Меня зовут НАВИГАТОР, – сказала голограмма, стоящая рядом с КОМАНДИРОМ, – вы можете объяснить, что вы имеете в виду, говоря об иных мирах? Быть может, подразумеваются другие звездные системы? Сразу должна сказать, что у «Неумолимого» хватит расходников для совершения только одного прокола трехмерной метрики...

– Когда я говорю «иные миры», то это значит иные миры, которых ничуть не меньше, чем звезд во Вселенной, – ответил я и, вытолкнул вперед Колдуна, добавив: – О технических деталях открытия порталов и связанных с этим вещах вам лучше поговорить с нашим главным специалистом.

Пока Колдун горячо толковал с ошарашенным НАВИГА-

ТОРОМ, по голограмме которого время от времени пробежали полосы, я подумал, что если все удастся, то этим персонажам нужно будет обязательно дать имена, лучше всего латинские... И кстати, надо будет серьезно потолковать с Отцом. Пусть я и воспринимаю эти личности-функции иначе, чем живых людей, ну так воспринимаю же в принципе, несмотря на то, что они базируются не на биологических телах, а на мечущихся по кремниевым кристаллам¹⁴ дрессированных электронах. Или все дело в том, что основой формирования этих псевдоличностей были ментограммы живых людей, из-за чего они осознают себя и свое я? В таком случае личные имена для них действительно являются предметом первой необходимости, а что касается живых тел, то тут, как сказал Декарт: «Я мыслю, следовательно, я существую!» Пока так, а дальше будет видно.

Наконец толковище между Колдуном и Навигатором было завершено, и наш главный специалист в магических исследованиях повернулся в мою сторону.

– Сергей Сергеевич, – серьезно сказал он, – насколько я понял, прыжковый генератор, установленный на этом корабле, позволяет совершать прыжки, которые тут называют «проколами трехмерной метрики», только в пределах одного этого мира. Но аппаратуру можно настроить так, что линкор пойдет по следу только что существовавшего канала. Такой

¹⁴ Серегин просто пока не в курсе, что на «Неумолимом» установлен не электронный, а оптронный центральный компьютер.

прием используется в бою, когда корабль преследует врага, который пытается скрыться от погони. Если мы уйдем к себе и закроем портал, а «Неумолимый» пойдет по следу нашего канала, то он обязательно найдет тот мир, из которого мы сюда пришли...

– И врежется прямо в нас и Китеж-град, – грустно усмехнулся я. – Ведь это же такая огромная бандура, что вызванная ей катастрофа обязательно сотрет с лица того мира всю Великую Артанию.

– Тогда, мой Повелитель, – сказал НАВИГАТОР, – нам необходимо установить на координатах точки выхода поправку в два-три планетарных диаметра в любую сторону, что поможет нам избежать столкновения с планетой. Самое главное потом – как можно скорее получить расходники и приступить к восстановительным работам.

– Ваш корабль может опускаться на поверхность планеты, – спросил я, – или это невозможно из-за его размеров и массы?

– Это возможно, – почти хором ответили НАВИГАТОР и КОМАНДИР, – но только если посадка совершается в специально подготовленный ложемент, оборудованный силовой колыбелью. В противном случае корпус может быть необратимо поврежден.

– А если посадка осуществляется на воду? – задал я следующий вопрос. – Есть ли у вашего «Неумолимого» запас положительной плавучести?

И снова рябь по голограмме и немая сцена. Им что, раньше в голову не приходило (я имею в виду не только этих псевдоличностей, но и вообще всю ту цивилизацию), что вода – это прекрасная посадочная площадка, лишь бы объект был воздухо- и водонепроницаем. То есть без дыр и прочих отверстий в корпусе, который должен быть изготовлен из нерастворимых в воде материалов. Слишком часто я ставлю их в тупик своими предложениями. Либо местная цивилизация крайне ограничена, либо у корабельного компа, фигурально говоря, заржавели шестеренки и его требуется срочно смазывать.

– Это возможно, – после некоторой паузы ответил КОМАНДИР, – запас положительной плавучести имеется, но глубины в месте приземления и стоянки должны быть никак не меньше половины высоты корпуса, желательно отсутствие значительных перепадов уровня водной поверхности, приводящих к обсыханию и повторному всплытию корпуса, а также это место должно быть защищено от штормовых волн и прочих погодных явлений.

Сперва я хотел забазировать линкор в мире Славян у себя под боком, в Днепро-Бугском лимане, но, насколько я помню, там нет мест с глубинами свыше семи-восьми метров, а требуется вдвое больше. На территории России для морской стоянки этого линкора прекрасно подходит Кольский залив и с некоторой натяжкой Севастопольская бухта, глубины которой тютелька в тютельку соответствуют требуемым усло-

виям. Кольский полуостров – это очень далеко от места основных событий в мире Славян, Крым – уже лучше, но если я размещу этот линкор в Севастопольской бухте, то потом в Херсонесе Таврическом горожане греха не оберутся с перепугу, задрешут все мостовые, не успев добежать до сортиров. Ну ничего, в таком случае переворот в Константинополе начнется с Херсонеса, только и всего. В любом случае, еще два месяца, а то и чуть больше, ни одна собака в том мире не рискнет выйти в море даже под страхом смертной казни. Сейчас там тридцатое января 562 года, и в Константинополе о том, что случилось в Херсонесе, смогут узнать только в начале мая, и вряд ли эта информация будет к тому времени еще актуальна. Мы об этом уж точно постараемся.

Зато в мире Смуты стоянка звездного линкора в севастопольской будет самое то. Пусть его боеспособность всего несколько процентов от номинала, но на тогдашнее Крымское ханство вкупе с Османской империей этого хватит с избытком. Все, что турецкий султан сможет наскрести в своих владениях и бросить на отвоевание Крыма, бесследно сгинет на дне Черного моря. Но этот вопрос мы сможем решить позже, а пока будем действовать по обстоятельствам. Единственное, что требуется, так это предупредить, что город Херсонес, который расположен неподалеку от места посадки линкора, мне нужен в целостности и сохранности, а также о том, что не надо отвечать на оскорбительные выпады невежественных местных жителей, которых следует просто игно-

рировать. Ведь если на вас лает собака, вы не будете облаивать ее в ответ, особенно если в силу обстоятельств она не в состоянии причинить вам реального вреда.

Еще мы договорились о том, что как только линкор приводнится и займет свое место в бухте, мы тут же проложим туда местный портал для того, чтобы наконец-то лично осмотреть свою новую боевую единицу. Дело в том, что нет у меня доверия к системам жизнеобеспечения этого корабля, ведь нынешняя команда в них не нуждалась и, следовательно, не следила за их исправностью, так что по-настоящему ступить на его борт будет безопаснее, когда «Неумолимый» будет находиться на поверхности планеты.

* * *

12 февраля 562 Р. Х. день сто девяностый в мире Славян. Утро. Византийская империя, провинция Малая Скифия, Крым, город Херсонес Таврический

Проснувшиеся утром горожане – городской префект, начальник гарнизона и другие официальные и не очень лица – увидели, как на чуть взволнованной поверхности Херсонской бухты плавает огромный предмет буро-ржавого цвета и длиной ничуть не меньше римской мили, представляющий из себя настоящий плавающий остров. Поскольку этот предмет не проявлял никакой агрессии, его сочли безопасным, а потому отдельные храбрецы тут же кинулись к своим ры-

бачьим лодкам, чтобы добраться до этого морского исполина, несомненно издохшего по каким-то своим исполинским причинам – водрузить на нем флаг Византийской империи, а где-то рядом в уголке скромно нацарапать свое имя. Но всех их ждало величайшее разочарование, потому что в сотне двойных шагов от цели храбрецов-исследователей остановила прозрачная и очень упругая стена, что их очень возмутило. В результате попытки обойти эту невидимую стену выяснилось, что она окружает это плавающий предмет со всех сторон. Желających нырять в воду, чтобы проверить, насколько она уходит в глубину вод, в эту зимнюю пору не нашлось, а летать подобно птицам, чтобы перелететь барьер сверху, никто из херсонитов не умел.

Почти тут же по городу пошли разговоры о том, что это за штука и какого рожна она там плавает. Досужие городские бездельники вздымали вверх персты и рассуждали о том, что прошлым летом в скифских степях, где погибла орда авар, бывших византийскими федератами, происходили страшные чудеса, когда торговля увяла, караваны с рабами не приходили, а купцы попрятались как муравьи перед грозой. И, мол, теперь эти страшные чудеса придут и в Херсонес Таврический. Этой весной город возьмут злые варвары-анты, необычно усилившиеся после разгрома авар, всех мужчин убьют, потому что их князь не берет рабов, всех женщин обесчестят, а потом тоже убьют, а плавающее сейчас по Херсонесскому заливу чудовище сожрет их тела. А варвары

возьмут город, потому что скоро произойдет землетрясение, которое порушит городские стены. Бежать надо из этого проклятого города, как можно скорее и куда глаза глядят, вот что (а мы по дешевке скупим имущество легковерных дураков и невиданно обогатимся).

– Так как же чудовище сможет сожрать тела, если оно дохлое, – возражали рассказчикам ужасов скептики, – не шевелит ни хвостом, ни плавниками...

– Не дохлое оно, – отвечали распространители зловещих слухов, – а только прикидывается. Отдыхает после вчерашнего шторма. А потом как вылезет на берег и пойдет всех жрать, и даже варвары ему будут не нужны; само ломает стены и башни, и будет ловить бедных горожан среди руин, как медведь, разоряющий муравейник. Бегите, бегите, бегите и чем дальше, тем быстрее!

– Да ну, надо ему нас жрать, – отвечали скептики, – оно чудовище морское, и наверняка питается рыбой, вот отдохнет немного и нырнет обратно в свои глубины, а вы тут раскудахтались, как куры...

И так эти споры и разговоры продолжались ровно до того момента, когда смельчаки, все еще кружившие на лодках вокруг невиданного зверя, не принесли в Херсонес весть, что видели людей, которые как ни в чем не бывало, по-хозяйски расхаживали по спине чудовища, и даже забирались внутрь через какие-то там отверстия. И все сразу поняли – грядет конец света, и со слезами на глазах побежали в храмы, отма-

ливать застарелые грехи.

А тем временем, пока на стороне города обращенной к заливу царила вся эта суета и возбуждение, через многочисленные локальные порталы без шума без визга, без хохота и топота в Херсонес входили регулярные части экспедиционного корпуса архонта Серегина, и для пущей таинственности на копыта коней и ботинки пехотинцев было наложено специальное заклинание «кошачьих лап», позволявшее им ступать абсолютно бесшумно. Форпост Византийской империи в Таврике уже пал, но пока еще об этом не догадывался.

Часть 26

12 февраля 562 Р. Х. день сто девяностый в мире Славян. Полдень. Крым, Херсонесская (Севастопольская) бухта, линкор планетарного подавления «Неумолимый»

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Мое решение не гулять по линкору в своем физическом теле, пока он находится на орбите вокруг Мертвого Мира, было абсолютно правильным. Системы регенерации атмосферы, превращающие выдыхаемую людьми углекислоту и водяной пар обратно в глюкозу и кислород, издохли еще тысячу лет назад. Баллоны с резервными расходниками – то есть азотом, кислородом и некоторыми инертными газами – были пусты. И даже системы внутренней вентиляции, обеспечивающие воздухообмен во время нахождения линкора на поверхности кислородных планет, запустились далеко не сразу, и не в полном объеме. Ну, это было пока не особо страшно, потому что выдышать четыре с половиной миллиона метров внутренней кубатуры свежего воздуха из мира Славян, которым при открытии люков заполнился царивший внутри вакуум, небольшой группе присутствующих на борту людей было просто нереально.

Однако разруха и запустение внутри царят ужасные. Ни

один летательный аппарат из ангаров не способен подняться в воздух, а от комплектов боевой экипировки десантников-штурмовиков остались только бронепластины и другие металлические детали, изготовленные из чрезвычайно легкого и прочного сплава под названием тританиум. КОМАНДИР, которому я первому дал личное имя Гай Юлий, не соврал. Если дать «Неумолимому» примерно лет десять времени и чистые расходники в нужном количестве, то из него действительно можно сделать конфетку. Но в нынешних условиях миров, стоящих на довольно низкой ступени развития, это звучит как ненаучная фантастика. Например, запросы ИНЖЕНЕРА, отныне в миру Клим Сервия, на расходники включают в себя двести тысяч тонн алюминия, сто тридцать тысяч тонн титана и почти тысяча тонн иридия, не говоря уже о нескольких сотнях тонн золота, серебра, палладия и платины.

Нет, осетра надо резать, и очень внушительно, тем более что девяносто процентов дефектной ведомости¹⁵ – это восстановление утраченных в боях и ремонт поврежденных летательных аппаратов из состава имеющихся на борту десантной и ударной группировок, а также капитальный ремонт планетарных орудий главного калибра, тех самых, которыми этот линкор мог обращать поверхность обитаемых планет в

¹⁵ Дефектная ведомость (технич.) – документ в котором перечислены все повреждения и неисправности с узлами и деталями подлежащими ремонту или замене.

оплавленную пустыню.

– В первую очередь, – сказал я Климу Сервию, – давайте разберемся с десантными ботами. Для представительских целей необходимо полностью восстановить один-два тяжелых и десятков легких из числа наименее поврежденных, а все остальные, демонтировав все уцелевшее ценное оборудование, пустить на вторсырье. После этого алюминия и титана от демонтажа ненужных корпусов должно хватить почти на все остальные нужды. В любом случае, высаживать десанты мы будем через порталы, что и быстрее, и безопасней.

На это Клим мне сказал, что если ему объяснят физику процесса создания стационарных каналов, прокалывающих, как он уже знает, n -мерную метрику пространства, то он может с учетом своих знаний и конструкции главного прыжкового генератора попробовать спроектировать и построить специальную установку для создания таких порталов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.